

# Эхо Велеса

— Арка первая — Вор Эха —

Книга  
первая —  
Кинжал  
пращура

Книга  
вторая —  
Перчатки  
памяти  
предков

Книга  
третья —  
Часы  
без стрелок

Книга  
четвёртая —  
Кукла  
с лицом  
матери

— Яр Кремень —

# Яр Кремень

## Эхо Велеса. «Арка первая — ВОР ЭХА»

*<https://litres.ru/74029646>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Мир расколот Разрывом. Эфир просачивается сквозь реальность, а память стала товаром и оружием. Артём — вор эха, мутант с когтями и крыльями, беглый образец секретного проекта «Велес». Каждая кража чужой памяти отнимает у него воспоминания о прошлом: лицо матери, голос отца, первый поцелуй. Он потерял почти всё, но обрёл любовь — ведьму Заряну, чья магия угасает. Вместе они бросают вызов Империи Теней, жнецам, высасывающим душу, и безумному Кукольнику, крадущему лица у беременных. Артём охотится за древними артефактами — Перчатками, Часами, Коронай, — чтобы вернуть силу Заряне и защитить нерожденную дочь. Но каждая победа оплачена новой утратой. Сможет ли вор, чья память превращается в решето, остаться человеком и удержать то, что дороже всех воспоминаний?

# Содержание

КНИГА 1 Кинжал пращура	5
Глава 1. Налёт	7
Глава 2. Храм под шатром	13
Глава 3. Цена первого взятия	22
Глава 4. Ушибленная гордость	28
Глава 5. Следы в небе	35
Глава 6. Пыль и механика	42
Глава 7. Расселина авиатора	50
Глава 8. Первый взмах	57
Глава 9. Лагерь ордена	61
Глава 10. Фестиваль уродов	66
Глава 11. Маска артиста	74
Глава 12. Ночная дуэль	78
Глава 13. Жертва	83
Глава 14. Пепел и рассвет	95
КНИГА 2 - Перчатки памяти предков.	103
Глава 1. Пепел и следы	105
Глава 2. Тихий лог	120
Конец ознакомительного фрагмента.	129



# Эхо Велеса. «Арка первая — ВОР ЭХА»

## КНИГА 1 Кинжал пращура





# Глава 1. Налёт

Ночь пахла железом и страхом.

Я висел вверх ногами на трапеции, когтями ног вцепившись в перекладину. Кровь тяжелела в голове, пульсировала в висках. Пальцы сжимали старый гаечный ключ — не успел положить после ремонта двигателя. Хитин на суставах скрипел при каждом микродвижении. Тишина. Только храп Костя, всхлипы ребёнка в глубине шатра и моё дыхание.

Трапеция качнулась. Я прокрутил трюк — рывок, переворот. Тело знало его наизусть. Уже оттолкнулся, когда воздух изменился.

Сначала озон. Резкий, электрический — он всегда появляется перед порталом или эфирным разрядом. Следом — горечь горелого масла. И наконец — холодный, металлический дух амулетов Ордена Теней.

Я спрыгнул не глядя. Перекат через плечо — кувырок, в котором не ошибался с пяти лет. Вскочил на одно колено. Ключ выпал из вспотевшей ладони, звякнул о доски, укатился в темноту.

Руки сжались сами. Когти впились в ладони, хитин скрипнул. Сердце колотилось где-то у горла. Опасность была внутри.

Рядом, у сумки с инструментами, спал Эри — рыжий котёнок. Он резко открыл глаза, прижал уши.

Ткань шатра рванули снаружи. С треском, с визгом — будто живую плоть раздирали. Старая, прокопчённая ткань держалась крепко, но ножи орденцев резали её, руки рвали, лезли внутрь.

В разрывы хлынули чёрные плащи. Амулеты на шеях светились гнилостно-зелёным. Этот свет ел глаза, оставлял оранжевые пятна.

Кто-то закричал. Лица. Повар. Я узнал её голос даже сквозь грохот.

— На выход! Бегом!

Мой голос потонул в лязге, топоте, криках. Я швырнул ящик с инструментами в первого орденца — тот разбился о чёрную броню, рассыпался в щепки. Схватил ключ, запустил в лицо врагу. Он отбил предплечьем — даже не поморщился.

Вены на предплечьях вспыхнули голубым. В первый раз в жизни.

**МУТАЦИЯ:** эфирные вены (ранг 1)

Первый орденец зашёл сбоку — высокий, плечистый, в кожаной броне с металлическими вставками. Я ушёл вниз, подсек колено. Коготь скользнул по броне. Заскрежетал. Нашёл щель.

Хруст. Кость треснула под хитином — сухо, как ломают сырую ветку.

Враг зарычал, рухнул на колено, выронил арбалет. Кровь брызнула из-под брони — тёплая, солёная, липкая. Попала мне на губы. Я вытерся тыльной стороной ладони.

Второй летел сверху — прыгнул с ящика, занося меч. Я откатился, ударил ногой по опоре. Ящик покачнулся, орденец потерял равновесие, упал на третьего. Они сцепились, заорали, покатались по полу.

Я вскочил, ударил второго в лицо. Когти распорили кожу от скулы до подбородка, зацепили глаз. Кровь хлынула из раны. Враг заверещал, закрывая лицо руками.

Удар. Хруст. Ещё удар. Кровь на досках.

Третий упал на колени, закрывая голову. Я ударил ногой в грудь — он отлетел к стене, ударился затылком, затих.

Четвёртый выстрелил из арбалета. Лёжа на полу, с колена. Стрела вжикнула мимо уха, задела плечо. Царапина. Алая струйка закапала на доски.

Я зарычал. Рванул к нему, но он уже перезаряжал.

Пятым, шестой, седьмой. Их слишком много.

Сзади схватили за крыло. Железные пальцы сжали перепонку у основания, выкрутили, дёрнули наружу.

Хруст кости. Слышно даже в шуме боя — сухой, отвратительный треск, от которого сводит зубы. Кость сломалась у сустава, разошлась.

Боль прострелила от лопатки до кончиков пальцев. Острая, горячая, выжигающая. В глазах потемнело. Кровь залила спину, пропитала рубаху, потекла по ноге.

Я вырвался — дёрнулся всем телом, ударил затылком в переносицу. Хрящ треснул. Враг заорал, отпустил. Чужая кровь брызнула на затылок, смешалась с моей.

Крыло висело плетью. Я не чувствовал пальцев правой руки — только боль, пульсирующую, горячую.

\*ЗДОРОВЬЕ: 311/400\*

Из разрыва шатра шагнул Глава.

Здоровенный мужик, под два метра, в чёрной броне с золотыми вставками. Клеймо перевёрнутой звезды на лбу — выжжено в кожу, рубцы вокруг. Эфирный топор в правой руке — лезвие пульсировало зелёным. Мои вены отозвались болью, забились, будто кто-то тянул нитки изнутри.

Глава посмотрел на меня. Без ненависти. Без злобы. Оценил, как оценивают сломанный механизм.

Потом ударил. Плашмя, широкой стороной топора, в грудь.

Меня отбросило к стене. Затылок о доски — звон в ушах, искры из глаз. Не упал — когти нашли щель, вцепились, повис. Доски скрипнули, выдержали.

Глава сказал:

— Ты умрёшь здесь, вор.

Сухо. Без наслаждения. Как констатирует факт.

Во рту — металлический привкус. В груди — хруст. Ребро? Два? Трудно дышать.

Я сплюнул кровь на доски. Тёмную, вязкую, с пузырьками.

— Пошёл ты.

Глава усмехнулся одними глазами. Замахнулся топором снова — на этот раз лезвием.

И в этот момент пол подо мной провалился.

Люк не выдержал. Ржавая дверца, покрытая щепой и опилками, сложилась пополам. Доски треснули, петли слетели. Я сорвался вниз.

Цеплялся когтями за край. Они скользили по дереву, оставляя глубокие борозды. Доски крошились. Пальцы соскользнули.

Темнота разверзлась подо мной. Пахло сыростью, плесенью, древней пылью.

Эри прыгнул следом. Рыжий комок вцепился в воротник куртки, заверещал, прижался к шее. Тёплый, живой, пульсирует страхом.

Мы падали вместе. Сверху кто-то крикнул:

— Он упал! Ищите!

Голос Главы. Спокойный. Командный.

Падение длилось секунду. Может, две. Но в этой темноте они растянулись в вечность.

Я успел подумать о Заряне — ведьме, которую подобрали месяц назад. О её шёпоте. О глазах с золотыми искрами. Успел подумать о Косте — старом ворчуне, заменившем отца. О гайке в отцовской руке.

Удар спиной о камень. Жёсткий, глухой, с хрустом. Рёбра треснули. Дыхание перехватило.

\*ЗДОРОВЬЕ: 142/400 — критическое\*

Я лежал, не двигаясь. Камень под спиной был холодным — холод пробирал сквозь рваную куртку, сквозь кровь.

Эри мяукал, лизал щёку. Шершавый тёплый язык. Единственное тепло.

Сверху, сквозь дыру, доносились шаги. Орден топтался, переговаривался. Кто-то крикнул:

— Не спускаться! Ждать!

Шаги затихли. Не спустились.

Я медленно повернул голову. Правое крыло лежало под неестественным углом. Кость торчала из перепонки — белая, страшная, с каплями крови.

Теперь не взлечу. Никогда.

Эри заскулил. Потом темнота смылась по краям сознания — медленно, неумолимо. Я провалился.

Но перед глазами ещё всплыли руны на стенах храма. Серебряные. Пульсирующие. И алтарь из чёрного камня.

А на алтаре — кинжал.

## Глава 2. Храм под шатром

Тьма не была пустой. Она давила, обволакивала, просачивалась сквозь веки.

Я лежал на чём-то твёрдом и холодном. Камень. Шершавый, с острыми краями, впивавшимися в спину сквозь рваную куртку. Влажность оседала на хитиновых пластинах предплечий, смешиваясь с запёкшейся кровью. Где-то капала вода — глухой, мерный звук, как удары сердца замедленного зверя.

Я попытался вдохнуть глубже — и закашлял. Воздух был густым, тяжёлым, пропитанным пылью и ржавчиной. Пахло так, словно здесь никто не ступал десятилетиями. Или веками. Под языком — привкус старого металла и горечи. Я сплюнул. В слюне была кровь.

Правое крыло отзывалось тупой пульсацией при каждом движении. Сломано, но не отвалилось. Левое, кажется, цело, хотя перепонка порвана в двух местах. Руки слушались. Ноги тоже, хотя левая ступня затекла, и в пальцах кололо.

**\*ЗДОРОВЬЕ: 142/400\***

Я сел, опираясь на стену. Камни под пальцами были гладкими, но покрытыми странными выбоинами — царапинами, линиями, дугами. Я провёл по ним кончиками пальцев. Нашупал углубления, бороздки. Не просто трещины. Руны.

Они тянулись от пола до потолка, переплетались в при-

чудливые узоры — спирали, треугольники, фигуры, которых я никогда не видел. Некоторые светились слабым голубоватым свечением. Откликались на моё присутствие.

Я коснулся ближайшей. Кожа ощутила холод. А внутри что-то отозвалось глухим резонансом — будто камень был живым. Или будто в нём спала память, которая теперь просыпалась.

«Храм», — понял я. — «Забытый храм».

Отец говорил, что такие места прятали под землёй после Разрыва, чтобы эхо не вырвалось наружу. В них хранили артефакты, которые могли уничтожить мир или спасти.

Я огляделся. Комната оказалась небольшой, с низким сводчатым потолком. Света не было, но глаза привыкли к темноте — мутация давала слабое эфирное зрение. Контуры предметов расплывались, но были различимы. Камни, углы, алтарь в центре.

Глыба тёмного, почти чёрного камня, отполированная до блеска. На ней — кинжал. Длиной с локоть, с прямым клинком из металла, которого я никогда не видел. Не сталь, не эфирит, не кость. Он пульсировал слабым светом — не голубым, как руны, а серебристым, живым, как луна в безоблачную ночь.

Я сделал шаг к алтарю. Кинжал словно потянулся ко мне. Не физически — эфирно. Я чувствовал, как клинок касается моего сознания, гладит, зовёт. Замер. Не мог отвести взгляд от лезвия. Внутри что-то тянуло, звало, шептало на грани

слышимого.

Не голос. Ощущение. Словно сам камень говорил со мной.

«Возьми. Возьми, и ты узнаешь. Возьми, и ты станешь сильнее. Возьми, и ты сможешь защитить тех, кого любишь».

Я знал, что это обман. Любая сила требует платы. Но я уже заплатил? Нет, не заплатил — пока нет. Но потерю. Обязательно потерю, если коснусь.

Сверху, сквозь каменный потолок, донеслись глухие удары. Орден обыскивал шатёр. Топот сапог, скрежет отодвигаемых ящиков, приглушённые крики. Если орден найдёт этот храм, они заберут кинжал. Используют для своих тёмных ритуалов. Убьют стаю. Убьют Заряну.

Я протянул руку. Пальцы-когти дрожали. Хитин скрипел в суставах. Коснулся лезвия — сначала подушечкой указательного пальца, потом всей ладонью.

Мир взорвался серебром.

Холод побежал по пальцам, запястьям, выше — к локтям, плечам, к позвоночнику. Следом — жар. Контраст перехватил дыхание, глаза заслезились. Вены на руках вспыхнули ярко-голубым. Тени на стенах закружились в бешеном хоро-воде.

Я перестал быть собой.

Он стоял на холме. Ветер — тёплый, сухой, пахнущий полынью и кровью — трепал длинные волосы. Вокруг — тела.

Много тел. Свои? Чужие? Он не знал. В руке — тот самый кинжал. Чёрный, тяжёлый, горячий, будто только что вынутый из горна. Кровь стекала с лезвия, капала на траву.

Враги бежали. Он смотрел им вслед, но не чувствовал радости. Только пустоту. Бездонную, холодную, как космос.

Он попытался вспомнить своё имя. Не смог. Оно исчезло, растворилось, оставив после себя лишь тупую боль в затылке.

Попытался вспомнить, зачем пришёл на этот холм. Не смог. Только смутное знание — он должен был победить. И победил.

Попытался вспомнить лицо женщины, которая ждала его дома. Тёплое пятно, улыбка без черт, голос без тембра. Она была. Он знал. Но не помнил.

Боль одиночества сжала сердце. Он стоял на холме, сжимая кинжал, и ветер выл над пустошью. Он был один. Со всем один.

Видение дрогнуло, распалось на сотню осколков, осыпалось. Всё потемнело.

А потом пришло другое — яркое, тёплое, такое родное, что захотелось плакать.

Деревянный дом. Бревенчатые стены, в щелях — мох. Печь потрескивает. Запах блинов и топлёного масла — густой, кружащий голову. Женщина в белом платке у печи, пе-

реворачивает блин длинной деревянной лопаткой. Она обернулась, улыбнулась — лицо расплывалось, как картина под дождём.

Но я знал: мать. Просто знал, всем нутром.

«Сынок, ты у меня самый лучший».

Она протягивает блин на тарелке. Дымящийся, румяный, с маслом. Я хочу взять, тяну руку — и не могу. Пальцы проходят сквозь тарелку, сквозь блин, сквозь её пальцы. Я не здесь. Я в воспоминании. Наблюдатель.

Потом — эфирный взрыв. Стены трескаются, из щелей бьёт фиолетовый свет. Пол проваливается. Женщина кричит беззвучно, открыв рот, выгнув спину. Она толкает ребёнка в подвал — мальчика лет пяти, с испуганными глазами.

Я понимаю: это я. Тот самый мальчик.

Люк закрывается. Темнота. Удар. Крик матери обрывается.

Тишина.

И голос учёного — холодный, с металлическим эхом, которого я никогда не слышал:

«Образец номер восемьдесят девять. Память загружена. Присвоено имя — Артём».

Я дёрнулся, как от удара током. Судорога прошла по телу — от пальцев ног до макушки. Открыл глаза. Мир плыл, распадался на цветные пятна.

Я стоял на коленях перед алтарём. Кинжал выпал из рук,

лежал на камне. Вены на предплечьях горели голубым светом — пульсировали в такт сердцу. Раньше они только светились. Теперь жгли изнутри, больно, жарко. Будто кровь закипела.

Эри жалобно мяукал где-то рядом, тыкался носом в колесо.

**МУТАЦИЯ:** эфирные вены (ранг 1)

Я попытался вспомнить лицо матери — то, которое видел в видении. Высокие скулы, тёмные волосы, улыбку. Ничего. Только белое пятно. Пустота, зияющая в черепе, как свежая рана.

Я знал, что у меня была мать. Знал, что она пекла блины. Знал, что она погибла при Разрыве. Но как она выглядела?

Закрыл глаза, напряг память до звона в ушах, до боли в висках. Ничего. Холодная пустота. Вместо лица матери — запах полыни и крови из первого видения. Чужой. Чужая боль. Чужие годы.

Я попытался вдохнуть носом. Пыль, сырость, камень, запах моей собственной крови. Ничего больше. Вдохнул снова — резко, глубоко, шумно, как делал в детстве, когда мать звала к столу. Пустота. Холодная, липкая, как паутина на лице в тёмном подвале.

Попытался представить тот запах. Тёплый, сладкий, с маслом. Закрыл глаза. Кухня, печь, женщина у плиты. Лица нет. Запаха нет. Только знание: «было что-то». Блины. Слово помнил. Но не запах.

ЗАБЫТО: запах маминых блинов

Строка всплыла перед глазами, повисла на несколько секунд, медленно растаяла, оставив горькое послевкусие.

Я сжал кулаки. Когти впились в ладони, проткнули хитин — выступила кровь, потекла между пальцев, закапала на каменный пол. Я не почувствовал боли. Только пустоту. Ледяную, звенящую.

Я забыл. Обменял детство на светящиеся вены.

Эри подошёл, потёрся о колено. Я не пошевелился. Котёнок лизнул мою руку — шершавый язык скользнул по хитину, потом по ранке. Я вздрогнул, но не от боли. От его тепла.

Вены на руках пульсировали всё ещё ярко. Но внутри что-то успокаивалось — не боль, не страх, а сам факт потери. Я только что заплатил за силу. И понял, что это не последняя плата.

Сверху снова донеслись голоса. Глава ордена — спокойный, командный:

— Спускаемся! Взять его живым!

Заскрежетали верёвки, застучали сапоги по камню.

Я поднял кинжал, заткнул за пояс. Подхватил Эри, посадил на плечо. Котёнок вцепился когтями в ткань, замер.

Время вышло.

Я посмотрел на руки. Вены светились. Сила была внутри, но она требовала нового касания, нового шага. Я пока не знал, как её использовать. Знал только, что заплатил за неё.

Я заплатил. И буду пользоваться.

В дальнем конце храма темнел узкий проход — туда, где пахло сыростью и, кажется, свободой. Я шагнул к нему.

Ноги дрожали, крылья волочились по камню, рёбра ныли. Но я шёл. Эри на плече урчал — тихо, успокаивающе.

— Мы выберемся, — сказал я коту. — Или умрём. Но не здесь.

Проход был узким — плечи задевали стены, крылья скребли по камню. Я почти полз, согнувшись, переставляя ноги с трудом, цепляясь когтями за выступы. Эри вцепился в воротник.

Сзади грохотало. Орденцы пробивали пол шире, спускались в храм. Голос Главы:

— Он там! Я вижу следы! Не упустите!

Я прибавил шаг. Вены засветились ярче, освещая путь — голубоватый свет выхватывал из темноты стены, потолок, камни.

Шаги приближались. Я обернулся — в конце коридора мелькнул факел, оранжевый, злой. Выхватил кинжал, зажал в правой руке. Лево́й придерживал Эри.

«Если догонят — буду биться. У меня нет другого выхода».

Но шаги стали затихать. Орденцы не рискнули лезть в узкий проход — слишком темно, слишком опасно. Кто-то крикнул:

— Ждать! Пусть сам вылезет!

Я не ждал. Я шёл вперёд, туда, где воздух становился све-

жее, где пахло не пылью и плесенью, а ветром и, кажется, солнцем.

Впереди забрезжил свет. Не голубой, не серебряный — настоящий, дневной, живой. Солнце.

Свобода. В ста шагах.

Я прибавил шаг и шагнул в темноту, оставив позади храм, орден и запах давно забытого детства.

Сзади всё ещё слышались голоса, но они таяли, как утренний туман. Я шёл к свету, чувствуя, как Эри прижимается к шее, как его мурлыканье становится громче.

— Держись, маленький, — прошептал я. — Мы почти вышли.

Свет становился ярче. Ещё несколько шагов — и я увидел небо. Серое, низкое, затянутое тучами. Но живое. Настоящее.

Я вывалился из лаза на камни, упал на колени, тяжело дыша. Эри спрыгнул с плеча, обнюхал землю, чихнул.

Позади — тьма подземелья. Впереди — пустоши, ветер и свобода.

Я не знал, что ждёт меня там. Не знал, что орден уже выслал погоню по моим светящимся венам. Не знал, что Заряна в шатре ждёт меня с травами и тревогой.

Знал только одно: я жив. И я выбрался.

## Глава 3. Цена первого взятия

Коридор тянулся бесконечно. Стены давили, потолок нависал, камни под ногами скользили. Я шёл, прижимая Эри к груди. Пятьдесят шагов. Сто. Сто пятьдесят.

Свет впереди мерцал — бледно-серебристый, похожий на свечение рун. Я ускорился. Вместо выхода коридор расширился в зал — поменьше первого, но такой же древний. В центре на каменном постаменте лежал кинжал.

Тот самый. Чёрный, тусклый, безжизненный. Я узнал его по рукояти, обмотанной почерневшей кожей.

Эри зашипел. Котёнок спрыгнул с плеча, попятился к стене, шерсть дыбом.

Из-под постамента выползли твари. Два эфирных скорпиона размером с собаку. Хитин переливался влажным зелёным, жала светились, лапы скрежетали по камню. Глаза горели красным — тусклым, голодным.

Я выхватил кинжал.

Первый бросился сразу. Я ушёл в сторону, пропустил жало над плечом. Коготь чиркнул по хитину — бесполезно. Скорпион развернулся, хлестнул хвостом. Я откатился, боль в рёбрах вспыхнула новой волной.

\*ЗДОРОВЬЕ: 118/400\*

Второй заходил с фланга. Я выпустил искру — ту самую, что родилась из светящихся вен. Голубоватый разряд ударил

в хитин, оставил чёрную полосу. Скорпион взвизгнул, дёрнулся, но не остановился.

— Морана! Как их убить?

«Сочленения, циркач. Там броня слабее».

Я нырнул под удар первого, скользнул по полу, всадил кинжал в стык брюха и хвоста. Лезвие вошло с хрустом. Тварь забилась, из раны потекла чёрная слизь — едкая, воющая. Я выдернул клинок, перекатился.

Второй налетел сзади. Жало пропороло перепонку левого крыла — боль обожгла спину, я зарычал, но устоял. Развернулся, ударил когтями в голову. Пальцы нащупали глазницу, вонзились внутрь. Скорпион завизжал, повалился на бок. Я добил его ударом кинжала в основание черепа.

Оба затихли.

Я стоял, тяжело дыша, посреди зала. Кровь капала с разорванной перепонки. Руки тряслись. Эри подбежал, лизнул мои пальцы.

— Живы, — выдохнул я.

Кинжал лежал на постаменте. Пульсировал серебристым светом — слабее, чем в первый раз, но всё ещё звал.

«Ты можешь взять его снова, — сказала Морана. — Осознанно. Не просто коснуться, а забрать. Управлять эхо. Но цена будет выше».

— Что я потеряю?

«Не знаю. Что-то важное. Всегда что-то важное».

Я смотрел на клинок. Вспомнил лицо матери — пустое

пятно. Вспомнил запах блинов — исчез навсегда. Что ещё можно потерять? Первый шаг по канату? Голос отца? Имя собственной дочери, которой ещё нет?

А если не возьму — орден найдёт меня. Убьёт. Заряна останется одна.

Я шагнул к алтарю. Сжал рукоять.

— Забираю. Осознанно. По своей воле.

Коснулся лезвия второй рукой — там, где хитин тоньше, где кожа почти человеческая. Металл нагрелся под пальцами.

Мир качнулся.

Утро. Солнце только вставало, золотило крыши домов внизу. Я стоял на трапедии — маленький, лет пяти, в руках кусок мела для разметки. Внизу отец улыбался: «Давай, сын. Первый шаг — самый трудный. Не смотри вниз».

Я шагнул. Перекладина качнулась, я зажмурился, вытянул руки в стороны. Отец поймал меня за пояс, засмеялся: «Получилось! Ты — циркач, сын».

Тепло. Запах масла и опилок. Ладонь отца — мозолистая, сильная, пахнет железом.

А потом — пустота.

Всё исчезло. Осталось только сухое знание: «Я умею ходить по канату». Но самого шага — дрожи в коленях, страха, радости, отцовского смеха — нет. Стерто.

Я отдёргнул руки. Кинжал выпал, звякнул о камень. Я стоял на коленях, сжимая голову ладонями. Память ушла. Не просто стёрлась — вырезали, оставив сухую царапину в сознании. Я знал, что когда-то сделал первый шаг по канату, но не помнил, как это было. Цвета, звуки, запахи — всё исчезло.

**ЗАБЫТО:** первый шаг по канату

Вены на руках вспыхнули ярче прежнего. Пальцы нагрелись. Из кончиков вырвались искры — мелкие, злые, они шипели, лопались, оставляли на камне чёрные точки.

«Поздравляю, циркач, — усмехнулась Морана. — Ты стал опаснее».

Я поднял руку, сосредоточился. Искры собрались в струйку пламени — тонкую, горячую, голубоватую в основании. Я направил её на клочок ветоши, валявшийся у стены. Ткань вспыхнула мгновенно, превратилась в пепел.

**МУТАЦИЯ:** пирокинез пальцев (ранг 2)

— Теперь я могу жечь.

«Можешь. И платить за это».

Я посмотрел на свои руки. Когти обуглились, но не сгорели. Кожа покраснела, покрылась мелкими волдырями — но ожогов не было, только тепло, расплзающееся по венам. Сила текла внутри, требовала выхода, требовала новых краж.

Эри потёрся о ногу, замурлыкал. Я погладил его — когтями, осторожно, чтобы не поцарапать.

— Сколько ещё я потеряю, Морана?

«Столько, сколько потребуется. Ты выбрал путь вора эха. Теперь иди до конца».

Сверху снова слышались голоса. Орден не ушёл — топали, перекрикивались, спускали верёвки. Я поднял кинжал, заткнул за пояс. Взял Эри на плечо. Котёнок вцепился в воротник.

В дальнем конце зала темнел проход — низкий, узкий, уходящий во тьму. Но из него тянуло свежестью, ветром, свободой. Я шагнул туда.

Коридор петлял, сужался, заставлял пригибаться. Крылья скребли по камню, рёбра ныли. Я шёл, считая шаги, чтобы не сойти с ума от темноты. Двести. Триста. Четыреста.

Впереди забрезжил свет. Не серебряный, не голубой — настоящий, дневной, жёлтый. Солнце.

Я вывалился из лаза на камни, упал на колени. Зажмурился от яркости. Эри спрыгнул, зачихал от пыли, отряхнулся.

Позади осталась тьма подземелья. Впереди — серое небо, холодный ветер, пустоши. Свобода.

Я повернулся к пролому. Оттуда всё ещё слышались голоса ордена — далёкие, глухие, не решающиеся лезть следом. — Мы выбрались.

Эри лизнул мою руку и забрался на плечо.

Я встал, опираясь на кинжал-трость. Правое крыло висело плетью, левое кровоточило в том месте, где жало пропоролло перепонку. Рёбра ныли при каждом вдохе. Но я стоял.

Впереди, среди скал, дымил шатёр «Скиф» — накренив-

шийся, пробитый, с рваной тканью парусов. И живой.

У входа стояла Заряна. Смотрела на меня. Ждала.

Я сделал шаг. Потом второй.

«Иди, циркач, — шепнула Морана. — Ты только начал».

## Глава 4. Ушибленная гордость

Свет ударил по лицу. Я зажмурился, переждал, пока зрачки привыкнут. Серое небо нависало над ущельем — тяжёлое, низкое, готовое расколоться дождём.

Шатёр «Скиф» накренился на правый борт. Ткань парусов висела клочьями, левая мачта треснула у основания. Из пробоины в борту сочился сизый дым — двигатель перегрелся, эфирная жидкость капала на камни, оставляя светящиеся лужицы.

Вокруг копошились люди. Кто-то перетаскивал ящики, кто-то перевязывал раны, кто-то просто сидел на земле, глядя в одну точку. Я насчитал троих убитых — их накрыли рваными плащами у дальней стены. Лица. Хмырь. Девчонка-жонглёр, которая всегда смеялась.

Кость, старый механик, хромал между обломками. Левая рука, обожжённая ещё год назад, была перевязана грязной тряпицей. Он заметил меня, остановился, покачал головой.

— Живучий, зараза, — буркнул без злобы.

Это у него означало «спасибо, что вернулся».

Я кивнул. Эри спрыгнул с плеча, побежал к шатру, юркнул под обгоревшую ткань.

Кость подошёл, посмотрел на пролом в земле, откуда я вылез. Потом на мои руки — я быстро сунул их в карманы, прикрыл светящиеся вены.

— Дверцу ту проклятую забыл заклепать, — проворчал он. — Теперь нам конец.

— Починим.

— Чем? Двигатель дымится, контур пробит, запчастей нет. А ты, гляжу, крыло сломал. И второе побили.

Он не врал. Правое крыло висело плетью, кость торчала под неестественным углом. Левое саднило в том месте, где жало скорпиона пропоролло перепонку. Каждое движение отдавалось болью в лопатках.

\*ЗДОРОВЬЕ: 98/400\*

Я прошёл к двигателю, опустился на колени. Осмотрел контур — деталь треснула, из трещины сочилась синеватая эфирная жидкость. Запах озона и горелого масла ударил в нос. Если не починить, шатёр не взлетит. А если не взлетит, орден вернётся с подкреплением.

— Инструменты давай.

Кость молча протянул старый гаечный ключ. Я взял, примерился. Пальцы слушались плохо — дрожали, когти мешали. Но я заставил себя работать. Вены под хитином пульсировали, пальцы нагрелись. Я выпустил слабую искру, сплавил края трещины воедино.

Кость молча наблюдал, потом кивнул.

— Это что за фокусы?

— Ремонт.

Он не стал##. В пустошах лишние вопросы не задают. Старый механик покачал головой и пошёл проверять паруса.

Я вытер руки о тряпку. Вены всё ещё светились — даже сквозь хитин было видно голубоватое свечение. Я закатал рукава куртки, спрятал предплечья.

Вокруг суетились люди. Женщина с трёхлетним ребёнком сидела на ящике, кормила его хлебом. Раненые лежали в глубине шатра, стонали, ворочались. Я помогал где мог: подтянул соединения, проверил крепления, заменил прогоревшую прокладку.

— Отдыхай, — сказал Кость, протягивая флягу. — Засохнешь.

Я сделал глоток. Вода тёплая, пахнет железом.

— Ты, парень, того, — Кость постучал себя по виску. — Не помрёшь, а?

— Не собираюсь.

Он усмехнулся, хлопнул меня по здоровому плечу и ушёл.

К вечеру шатёр временно встал на стоянку в небольшом овраге, скрытом от ветра. Костер горел невысоко, освещая усталые лица.

Эри вылез откуда-то, запрыгнул на колени. Я гладил его, слушая, как котёнок мурлычет.

Рядом, бесшумно, появилась Заряна. Пахла травами — полынью, чабрецом, чем-то сладким, незнакомым. Русые волосы собраны в пучок, на висках выбились пряди. Взгляд спокойный, без страха.

— Я вижу, что с тобой случилось, — сказала она тихо. — Ты украл эхо.

Я отдёрнул руку.

— Откуда знаешь?

— Я ведьма. Мы чувствуем такие вещи.

Она достала из кармана сушёную полынь, зверобой, тысячелистник. Начала плести маленький узелок. Пальцы двигались быстро, привычно.

— Твои вены светятся — для ордена ты маяк. Я могу сделать настой, чтобы скрыть след. Держится недолго. Часов на двенадцать.

— Зачем тебе помогать?

Заряна не обиделась.

— Что я получу, если ты умрёшь? Орден найдёт шатёр, убьёт всех. Это не торговля. Это выживание.

Эри спрыгнул, подошёл к ней, потёрся о ноги. Она погладила его.

— Умный кот. Он чует добро.

— Или просто голодный.

Заряна улыбнулась уголками губ. Протянула узелок, перевязанный суровой ниткой.

— Носи на шее. Не снижай.

Я взял, понюхал. Пахло полынью — горько и свежо, как после грозы. Сунул оберег за пазуху.

— Спасибо.

— Не благодари. Лучше помоги чинить шатёр.

Она встала, отряхнула платье, пошла к раненым.

Ночь опустилась синей, прозрачной темнотой. Костер го-

рел, освещая усталые лица. Заряна принесла травяной чай в жестяной кружке с отбитым краем. Села рядом.

— Расскажи о себе, — попросила она.

— Нечего рассказывать.

— Всегда есть что.

Я молчал. Эри носился вокруг костра, пытался поймать искры. Чихнул, плюхнулся на бок. Заряна улыбнулась — устало, но тепло.

— Ладно, — сказала она. — Я начну. Меня нашли на болоте. Я была маленькая, замёрзшая, почти мёртвая. Ведьмы из круга забрали меня, выходили. Наставница говорила, что я плакала три дня без остановки, а потом замолчала и больше не плакала никогда.

Она помешала угли палкой.

— Они учили меня читать память тела. Каждая клетка хранит воспоминания — боль, страх, радость. Нужно только услышать.

— И ты слышишь?

— Не всегда. Но стараюсь.

— А почему ты ушла из круга?

Заряна подняла глаза. В них отражалось пламя.

— Не ушла. Меня забрали. Орден сжёг наше убежище, убили наставницу и многих сестёр. Я осталась одна. Брела по пустоши, пока не наткнулась на ваш шатёр.

Она говорила ровно.

— Вы дали мне воду, укрыли плащом. Не спрашивали,

кто я и откуда. Просто позволили остаться.

Я вспомнил тот день. Заряна появилась на рассвете, вся в копоты, с пустыми глазами. Кость хотел прогнать, но я сказал: «Пусть будет».

— Ты спасла меня, — сказал я. — В подземелье. И сейчас дала оберег.

— Ты спас меня первым.

Мы замолчали. Тишину нарушал только треск углей.

— Ты не боишься меня? — спросила Заряна. — Вены, когти... меня называют нелюдью. Но это не так.

— Я знаю, — ответил я. — Ты та, кто не бросила раненых. Кто подобрала котёнка.

— Он сам подобрался.

Она положила голову мне на плечо. Тяжело, устало, доверчиво. Волосы пахли дымом и чабрецом. Я не отодвинулся.

Эри подошёл, лёг у ног, закрыл глаза.

— Завтра будем чинить шатёр, — сказал я. — К вечеру должны взлететь.

— Взлетим. Куда дальше?

— На юг. В эфирные бури. Туда орден не сунется.

— А Заряна?

— Заряна летит с нами.

Она не ответила, только придвинулась ближе.

Я смотрел на звёзды, пробивающиеся сквозь прорехи в тучах. Одна звезда была особенно яркой, почти голубой —

мигала, как маяк.

Может, не всё потеряно.

Вдруг из темноты донёлся далёкий крик. Не птица — голос человека. Эри вскочил, шерсть дыбом, зашипел. Заряна замерла.

— Что это? — прошептала она.

— Орден, — ответил я. — Они ещё здесь.

Крик стих, но тревога осталась. Костер почти погас. Я сжал кинжал.

— Завтра будет тяжело.

Заряна кивнула. Мы сидели в тишине, слушая, как ветер шуршит в камнях. Эри успокоился, но не лёг — замер, глядя в темноту.

Я не спал. Смотрел на звёзды, слушал дыхание Заряны. Где-то за скалами выли твари. Ночь тянулась вязко, как смола.

Но рассвет всё равно наступит.

## Глава 5. Следы в небе

Рассвет пришёл слишком быстро. Я не спал — сидел у потухшего костра, сжимая кинжал. Заряна дремала, привалившись к моему плечу. Эри свернулся у ног.

В небе что-то изменилось. Я поднял голову.

Чёрные точки. Сначала одна, потом две, потом пять. Они росли, превращаясь в силуэты летучих шатров. Чёрные паруса, зелёное свечение амулетов. Орден Теней.

Я насчитал семь.

— Тревога! — крикнул я, вскакивая. — Орден в небе!

Шатёр ожил. Люди заметались, хватали детей, оружие, узлы с припасами. Кто-то уронил ящик, железо загрохотало по доскам. Женщина заголосила, прижимая ребёнка.

Кость уже крутил вентили у двигателя.

— Запускаем! — крикнул он. — Быстро!

Заряна проснулась, мгновенно собралась. Достала из кармана травы, начала плести обереги, крепить их к парусам.

Я рванул к двигателю. Контур работал с перебоями, но держался. Дёрнул рычаг — шатёр вздрогнул, оторвался от земли.

Вражеские корабли шли плотным строем. Один отделился, пошёл на сближение — разведчик.

— Держитесь!

Первый снаряд свистнул мимо. Эфирный разряд ударил в

скалу, осыпав палубу щебнем. Осколки царапнули лицо.

\*ЗДОРОВЬЕ: 95/400\*

— Всем вниз!

Кость заложил вираж. Шатёр накренился так, что доски закрипели. Паруса трещали, ткань натягивалась до предела.

Вены на руках вспыхнули. Я выпустил искру в сторону ближайшего вражеского шатра. Слишком далеко — заряд ушёл в молоко.

Второй снаряд попал в корму. Дерево треснуло, щепки разлетелись. Кто-то закричал.

Я сосредоточился. Искра — на этот раз точнее. Попала в парус вражеского разведчика. Ткань вспыхнула мгновенно, огонь побежал по мачтам. Корабль завалился набок, врезался в скалу. Взрыв расколол тишину.

— Один готов!

Но остальные шесть не отставали. Один из них шёл на таран.

Кость крутанул штурвал, уходя в сторону. Вражеский шатёр пронёсся мимо, едва не задев нас крылом.

— Двигатель перегревается! — крикнул Кость. — Контур не выдерживает!

Из-под капота повалил густой дым. Двигатель чихнул, закашлял.

Я побежал к нему, по пути вытирая кровь с разбитой губы. Откинул крышку. Контур треснул, из трещины шипела эфирная жидкость.

— Да чтоб тебя!

Приложил ладони к металлу. Пальцы нагрелись, искры скользнули по трещине. Я сплавлял края, пока двигатель не заворчал ровнее.

— Заряна! Обереги на паруса!

Она кивнула, бросилась к мачтам.

Третий снаряд ударил в борт. Доски разлетелись в щепки. Меня отбросило к переборке, затылок встретился с деревом — звон в ушах, искры из глаз. Эри вцепился когтями в палубу, жалобно мяукнул.

— Снижаемся! — заорал Кость. — Падаем!

Шатёр клюнул носом. Земля приближалась — скалы, ущелье, камни. Люди падали, катились по полу. Ящики с инструментами посыпались вниз.

Я успел схватить Заряну за руку, прижал к себе. Эри вцепился в воротник.

Удар. Темнота.

Шатёр рухнул на дно ущелья. Меня бросило вперёд, грудью о штурвал. Рёбра хрустнули. В глазах потемнело.

\*ЗДОРОВЬЕ: 42/400 — критическое\*

Тишина. Только шипение пара из разорванных трубок и стоны раненых.

Я открыл глаза. Лежал на боку, придавленный обломком доски. Заряна рядом — жива, шевелится. Эри вылез из-под обломка, отряхнулся.

Я встал, шатаюсь. Двигатель дымился, из радиатора текла

эфирная жидкость. Правое крыло разорвано, левое погнуто. Ткань парусов свисает лохмотьями.

Внутри шатра — тишина. Я обошёл, посчитал людей.

Трое убитых. Повар Лика с тёмным пятном на фартуке. Старый Хмырь, добрый, трясущийся — застыл с руками на груди. И Кость.

Я увидел его у обломков двигателя. Он лежал на спине, глаза открыты, смотрят в небо. Рядом — ребёнок, живой, плачет. Кость закрыл его собой от горячей балки.

Я опустился на колени, закрыл Косте глаза. Руки дрожали. — Прощай, старик.

Заряна подошла, положила руку на плечо. Я не обернулся.

Встал, вытер лицо.

— Двигатель не запустить, — сказал я глухо. — Контур пробит, запаски нет.

— Значит, пойдём пешком, — ответила Заряна.

Я кивнул.

Собрал выживших.

— Слушайте. Шатёр не поднимать. Орден вернётся скоро. Раненых уносим на себе. Остальное бросаем.

Женщина с ребёнком спросила, заикаясь:

— Куда мы пойдём?

— За перевал. В эфирные бури. Орден туда не сунется.

Заряна сжала мою руку.

— Я с тобой.

— Кость... — я запнулся. — Кость погиб. Теперь я веду.

Мы двинулись в ущелье. Раненых несли на носилках из досок и верёвок. Я замыкал колонну, положив руку на кинжал. Эри бежал рядом.

Пыль скрипела на зубах. Ветер гнал песок в лицо.

— Сколько нам идти? — спросил кто-то.

— До перевала — день.

Сзади послышался топот копыт. Я обернулся — из-за скалы выехали трое всадников на мутировавших лошадях. Чёрные плащи. Орден.

— Бегом!

Первый выстрелил из арбалета. Стрела вжикнула мимо, ударила в камень. Я выпустил искру — попала в грудь лошади. Животное рухнуло, подмяв всадника.

Второй натягивал арбалет. Я не дал ему выстрелить — когтистые пальцы сжались на горле. Хрустнули позвонки.

Третий развернулся и ускакал.

— Быстрее! Он приведёт остальных!

Мы побежали. Раненые застонали, носилки закачались. Я схватил один край, потащил на себе.

Впереди показалась расселина — узкий проход между скалами. Я направил колонну туда.

За спиной топот приближался. Мы вбежали в расселину. Камни сомкнулись за нами.

Я остановился, перевёл дыхание. Посмотрел назад — орденцы спешили, но лезть не рискнули.

— Передохнём пять минут.

Люди попадали на землю. Заряна раздала воду. Я отошёл в сторону, прислонился к скале.

Вдруг из расселины выскочил разведчик — наш цирковой, молодой парень. Лицо в крови, левая рука висит плетью. Он упал на колени.

— Они идут... ещё отряд... с юга обходят... — прохрипел он. — Часа два, может, три.

Заряна подбежала, начала шептать, прижимая ладони к его груди.

Я не успел ничего сказать. Сзади — свист стрелы. Я обернулся, но было поздно. Двое орденцев выскочили из-за камней, схватили Заряну. Она вскрикнула, выронила травы. Её поволокли назад.

— Заряна! — крикнул я.

Рванул к ней, выпустил искру — но мимо. Орденец ударил меня рукоятью меча в лицо. Кровь брызнула из разбитой губы. Я упал на колени.

Сверху, с летучего шатра, который бесшумно подлетел к расселине, спустился Глава. Здоровенный мужик с эфирным топором. Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Ищи её в лагере, если посмеешь, — сказал он.

Заряну подняли на борт. Она крикнула что-то, но ветер унёс слова. Шатёр взмыл вверх, развернулся и ушёл на север.

Я смотрел, как он тает в сером небе. Эри жалобно мяукал, тёрся о ноги.

\*ЗДОРОВЬЕ: 28/400\*

Встал, опираясь на кинжал. Люди смотрели на меня. Ждали.

— Уходим, — сказал я. — За перевал. Я вернусь за ней. Но сначала — спрятать вас.

Мы двинулись дальше. Ущелье петляло, поднималось в горы. Я шёл последним, сжимая кинжал. Эри бежал рядом, иногда оглядывался.

Через час показался перевал. Я взобрался на гребень, оглядел долину внизу. Там, на старой дороге, клубилось эфирное марево. Серое, живое, переливалось красными и зелёными сполохами.

— Туда, — сказал я. — Орден не сунется. А я... я вернусь. Заряна была там, на севере. В лагере ордена. Я найду её. Или умру.

Люди начали спуск. Я остался на гребне, глядя на север. Эри сел рядом, положил голову мне на колено.

— Мы вернёмся за ней, маленький.

Котёнок мяукнул.

Ночь опустилась на ущелье. Костер почти погас. Я не спал. Смотрел на звёзды, считал минуты до рассвета. Завтра я пойду на север. Один. Или с теми, кто решится.

\*ЗДОРОВЬЕ: 28/400\*

Орден придёт на рассвете. Я должен быть готов.

## Глава 6. Пыль и механика

Я брёл по дну ущелья, опираясь на кинжал как на костыль. Правое крыло волочилось по камням, оставляя кровавый след. Левое висело плетью — перепонка разорвана, костяные отростки треснули. Каждый шаг отдавался болью в рёбрах.

Эри бежал рядом. Иногда поскуливал, но не отставал. Его маленькие лапы утопали в пыли, огненные глаза светились в сером утреннем свете.

\*ЗДОРОВЬЕ: 24/400\*

Я шёл уже несколько часов. Стая осталась в пещере за перевалом — раненые, женщины, дети. Я приказал им ждать. Сказал, что вернусь с припасами и подмогой. Сам не знал, где найду то или другое.

Заряну увезли на север. Я чувствовал это затылком — тупую ноющую пустоту там, где ещё недавно было тепло. Её лицо, её шёпот, запах трав. Всё это осталось в памяти. Пока не стёрто.

Морана молчала. Третий день — ни слова. Почти начал забывать о ней. Но холодок в затылке напоминал: она здесь, ждёт, копит силы.

Ущелье расширилось. Впереди показались обломки — груды ржавого металла, битое стекло, обгоревшие доски. Кладбище технологий. Я узнал это место. Мы пролетали

здесь месяц назад. Тогда здесь никого не было.

Сейчас копошились люди. Четверо, может, пятеро. В рваных плащах, с инструментами в руках. Они разбирали обломки летательного аппарата, выдирали эфирные батареи, складировали их в ржавые тележки. Бродяги. Пращуры, как они себя называли.

Один из них обернулся. Низкий, коренастый, с копьём в руке. Хромал на левую ногу. На лице — глубокие морщины, серая щетина. Он посмотрел на меня, на светящиеся вены, на сломанные крылья.

— А, живой, — сказал он без удивления. — А мы уж думали, кончился ты. Вчера орден над ущельем кружил, искали кого-то.

Я опустился на камень. Вытер лицо — пот и пыль смешались в грязные разводы.

— Искали меня.

— Вижу, — он кивнул на мои руки. — Долго так не протянешь. Орден по следу идёт, как гончие.

— Знаю. Мне нужен двигатель. Или запчасти. Мой сдох.

Бродяга подошёл ближе, разглядывая светящиеся линии на предплечьях. Я не прятал их — сил не было, да и смысла тоже.

— Шест меня зовут, — сказал он. — Мы тут собираем, что осталось от старых машин. Там, в отсеке, есть контуры. Может, что подойдёт. Но просто так не отдам.

— Что нужно?

— Две эфирные батареи за помощь. И ремонт наших шатров.

Я прикинул. Полдня работы. Орден на хвосте. Заряна где-то на севере. Другого выхода нет.

— Идёт.

Шест хлопнул меня по плечу — больно, но беззлобно.

— Тогда за дело.

Я встал, направился к груде обломков. Эри спрыгнул с плеча, побежал следом, принюхиваясь к металлолому. Пахло ржавчиной, маслом, старой гарью и эфирной жидкостью — сладковатой, тошнотворной.

Я опустился на колени перед двигательной установкой — старой, проржавевшей, но ещё живой. Осмотрел контуры. Один перегрет, прокладка прогорела, два вентиля заклинило. Руки сами потянулись к инструментам — отцовская привычка, въевшаяся в память тела.

Пальцы-когти слушались плохо, но работали. Выкручивал гайки, отсоединял шланги, помечал каждый провод, чтобы потом собрать правильно.

Шест стоял рядом, наблюдал. Его люди тоже подошли — кто с интересом, кто с опаской. Перешёптывались, показывали пальцами на светящиеся вены.

— Парень своё дело знает, — сказал Шест своим, негромко. — Не просто вор — механик.

Я не ответил. Сосредоточился на работе.

Вдруг — прорыв памяти. Короткий, как удар током. Я

увидел отца. Он сидел в старом шатре, на ящике из-под снарядов. Держал в руках гайку. Освещение — масляная лампа, тени пляшут на стенах.

«Сын, механика — это честный труд. Не то что воровство эха», — голос отца был спокойным, чуть хрипловатым. «Мы чиним, а не крадём. Запомни».

Я хотел ответить, но видение не оборвалось — оно застыло, давая рассмотреть детали, которых раньше не было. Руки отца — не мутировавшие, не покрытые хитином, обычные человеческие руки с мозолями на ладонях. Татуировка на предплечье — шестерёнка, вписанная в круг.

Символ механиков. Старый, ещё доразрывный.

«Мы не крадём эхо, — продолжал отец, поворачивая гайку в пальцах. — Мы берём только то, что само идёт в руки. А если эхо само не идёт — значит, не твоё».

Видение дрогнуло, рассыпалось на светящиеся голубые нити. Я открыл глаза. Пальцы дрожали.

Эри прибежал с маленькой гайкой в зубах. Откуда он взял её среди обломков — непонятно. Положил к ногам, потёрся о руку, довольно зажмурился.

Я поднял гайку. Старая, резьба прогорела почти до гладкости, на грани — толстый слой нагара, ржавчина въелась в металл. Не та, из видения. Та была чистой, блестящей. Но похожа.

Сунул гайку в карман. Рядом с сухарём, который дал Кость (которого больше нет), и оберегом Заряны. Странное

тепло разлилось в груди — будто отец рядом.

— Спасибо, маленький, — погладил Эри.

Котёнок замурлыкал, запрыгнул на плечо.

Через час я вытащил целый контур из груди запчастей. Осмотрел — внутри грязь, окалина, остатки сгоревшего масла. Поднёс палец к засору, сконцентрировал тепло. Искра выжгла грязь, металл раскалился. Я отдёрнул руку в последний момент — чуть не перегрел.

Вставил контур на место, затянул гайки. Проверил — держится.

Вдруг тень накрыла ущелье. Я поднял голову. Летучий шатёр ордена прошёл над скалами, метрах в трёхстах. Камни скрывали нас, но тень скользнула по земле — холодная, зловещая. Все замерли.

Я сжал кинжал. Тишина.

Шатёр ушёл, скрывшись за гребнем.

Шест выдохнул:

— Пронесло.

— В следующий раз может не пронести, — сказал я. — Я должен закончить ремонт быстрее.

Вернулся к работе. Пальцы летали над деталями. Бродяги помогали — подавали инструменты, держали детали, крутили вентили.

К вечеру двигатель бродяг чихнул, заворчал, потом заревел ровно, зарокотал, как сытый зверь.

Шест протянул флягу.

— На, пей. Заслужил.

Я сделал глоток. Вода тёплая, с привкусом железа.

— Лагерь ордена на севере, — сказал Шест, глядя на горы.

— Три дня пути через пустошь. Но ты не дойдёшь в таком виде. Крылья сломаны, раны не зажили.

— Дойду.

— Упрямый. Я знал одного такого. Он сейчас в земле лежит.

Шест помолчал, потом добавил:

— Слышал, в расселине к западу лежит старый авиатор. Разбился ещё до Разрыва. Его эхо до сих пор там. Если украсть — получишь крылья. Настоящие. Сможешь летать над лагерем.

— Я подумаю.

— Думай быстрее. Орденские ловцы эха чувят таких, как ты, за версту. Не давай им приблизиться.

Он показал на свой шрам через всю щёку.

— Встречался. Остался жив. У них один глаз на лбу, второй в затылке. Чувят эхо, как псы кровь.

Я кивнул.

Собрал вещи. Эри запрыгнул на плечо.

— Спасибо, Шест.

— Не благодари, — он хлопнул меня по плечу. — Ты своё слово сдержал — я своё. Удачи, циркач.

Бродяги остались у обломков, махая вслед. Я не обернулся.

Ночь опустилась на ущелье глухая, звёздная. Костер прогорел почти до углей. Я сидел на камне, перебирал инструменты, доставшиеся от Костя. Ржавые ключи, обрывки проволоки, помятые банки. Эри свернулся на коленях.

В голове заговорила Морана.

«Ты справишься. Ты хищник. Хищники не сдаются».

— Заткнись.

«Я — твоя тень. И я помогу тебе найти её. Я видела карту в голове того авиатора. Я знаю, где лагерь ордена. В старом форте, за перевалом. Тебе туда не пройти одному».

— Не надо. Сам найду.

«Уже нашёл. Я жду, когда ты меня попросишь».

— Не дождёшься.

Морана замолчала, но не ушла. Я чувствовал её присутствие — холодок в затылке, шорох на грани слуха.

Посмотрел на звёзды. Холодные, далёкие. Вспомнил Заряну. Её лицо, седые волосы, тонкие пальцы, которые дрожали, когда она шептала лечебные слова.

Я вернусь за тобой. Клянусь.

Эри вздохнул во сне, прижался теснее. Я погладил его.

Без крыльев мне не догнать орден. Без полёта не пройти над стенами лагеря.

Значит, завтра — к расселине. К авиатору.

Я посмотрел на свои руки. Вены светились в темноте. Где-то далеко завывали твари.

Ещё одна кража. Ещё одна плата.

Закрыв глаза. Сон не шёл. Но я заставил себя уснуть.

\*ЗДОРОВЬЕ: 22/400\*

Рассвет придёт слишком быстро. Я должен быть готов.

## Глава 7. Расселина авиатора

Рассвет застал меня в пути. Я шёл на запад, туда, где, по словам Шеста, лежала расселина с обломками летательного аппарата. Эри сидел на плече, прижавшись к шее. В сером утреннем свете его огненные глаза казались двумя угольками.

Ущелье сужалось, скалы нависали всё ближе. Ветер нёс запах сырости и гнилой древесины. Где-то далеко стучал дятел — или это казалось.

Через час я нашёл расселину. Узкий проход между чёрными скалами, на дне — обломки. Ржавый фюзеляж лежал на боку, разбитая кабина зияла пустыми глазницами. Осколки стекла торчали из песка, как окаменевшие слёзы. Кости пилота белели среди обломков, присыпанные мелкой пылью.

Эри зашипел. Шерсть на загривке встала дыбом. Котёнок спрыгнул с плеча, прижался к ноге.

Воздух дрожал. Эхо авиатора висело тяжёлым маревом, искажало свет, заставляло камни плыть. Я слышал обрывки чужих мыслей: «двигатель кашляет», «высота падает», имя — женское, но не разобрать.

\*ЗДОРОВЬЕ: 22/400\*

Я перешагнул через обломок крыла, двинулся к останкам. Когти ног скрежетали по камням. Тишина стала плотной, как стена.

Из-под обломков выскочила тварь. Эфирный скорпион — размером с собаку, хитин переливался влажным зелёным, жало светилось ядовитым светом. Лапы скрежетали по металлу.

Я выхватил кинжал.

Скорпион бросился на меня, целясь в ногу. Я ушёл в сторону, пропустил жало над собой. Коготь чиркнул по хитину — бесполезно. Тварь развернулась, хлестнула хвостом. Я откатился, боль в рёбрах вспыхнула.

\*ЗДОРОВЬЕ: 18/400\*

Выпустил искру — пламя лизнуло хитин, оставило чёрную полосу. Скорпион взвизгнул, дёрнулся, но не остановился. Слишком толстая броня.

Морана шепнула:

«Сочленение. Под брюхом».

Я нырнул под удар, скользнул по земле. Кинжал вошёл в стык хитиновых пластин — хрустнуло, из раны потекла чёрная слизь. Скорпион забился, повалился на бок, дёрнул лапами и затих.

Я вытер клинок о штанину, перевёл дыхание.

Второй выскочил из-под фюзеляжа. Крупнее первого, с панцирем, покрытым шипами. Глаза горели красным.  
— Чтоб тебя.

Я не успел увернуться. Скорпион хлестнул хвостом — жало распорол плечо. Кровь потекла тёплой струёй, рана обожгла холодом.

Эри прыгнул твари на голову, вцепился в глазницу когтями. Скорпион заорал, замотал головой. Я метнулся вперёд, всадил кинжал в основание черепа. Глубоко, до рукояти. Тварь забилась, повалилась, дёрнулась несколько раз и затихла.

Эри отскочил, отряхнулся, фыркнул. Морда в чёрной слизи.

— Молодец, маленький.

Я выдернул кинжал, зашатался. Кровь из плеча капала на камни. Свёрнутый кусок ткани оторвал от рубахи, перевязал наспех.

Подошёл к останкам пилота. Кости, шлем, остатки комбинезона. Эхо пульсировало — слабо, но явственно.

Я опустился на колени. Морана заговорила, голос вкрадчивый, почти ласковый:

«Выбирай, циркач. Честь мёртвого или жизнь живой. Без крыльев ты не догонишь орден. Не спасёшь её».

Я сжал кинжал.

— Прости, старик. Мне нужны твои крылья.

Коснулся шлема.

Эхо-вставка ударила волной.

Небо чистое. Ни облачка. Ветра почти нет. Он ведёт машину над горами, внизу — зелёные склоны, река блестит на солнце. Он улыбается, думая о жене. Она ждёт, она всегда ждёт.

Мотор чихает — сначала тихо, потом громче. Он проверяет приборы. Датчики показывают норму, но чутьё подсказывает: что-то не так.

Стрелка давления падает. Он не успевает ничего сделать — резкий толчок, вибрация, дым из-под капота. Высота падает. Парашют не раскрывается — купол заклинило.

Он тянет кольцо, дёргает, ещё раз. Бесполезно.

Успевает подумать о жене. Назвать её по имени — и забыть его в тот же миг.

Удар о скалу. Темнота.

Видение оборвалось. Я отдёрнул руку, но было поздно.

Жгучая боль в лопатках. Кости хрустнули, из спины вырвались отростки с тонкими перепонками. Я закричал, упал на колени, судорожно хватая воздух. Эри заметался рядом, жалобно мяукая.

В глазах потемнело. Мир качнулся, распался на цветные пятна.

А потом — пустота. Там, где только что была боль, остался холод. Я попытался вдохнуть — получилось.

Открыл глаза. Лежал на камнях лицом в пыль. Всё тело болело, спина горела — будто туда приложили раскалённое железо.

Перевернулся на бок, с трудом сел.

Новые крылья. Костяные отростки, обтянутые тонкой кожей, почти прозрачной, с голубоватыми прожилками. Перепонки натягивались при каждом движении. Размах меньше

метра, кости хрупкие, но живые.

МУТАЦИЯ: зачатки крыльев (ранг 3)

Я пошевелил ими — перепонки натянулись, кости скрипнули. Больно, но терпимо.

И вдруг я понял. Чего-то не хватает.

Попытался представить лицо матери. Высокие скулы, тёмные волосы, родинка над губой. Ничего. Только белое пятно. Пустота. Холодная, звенящая.

Раньше оно было расплывчатым, но было. Теперь — нет.

Я напряг память до звона в ушах, до боли в висках. Пытался удержать хотя бы тень, но она таяла, как снег под дождём. Ничего. Только пустота.

Не лицо. Не глаза. Не улыбка.

ЗАБЫТО: лицо матери

Я сидел на камнях, сжимая голову руками. Эри подошёл, лизнул щёку — шершавый язык скользнул по коже. Я не пошевелился.

— Что ты сделала? — прохрипел я.

«Я? Это ты взял чужое эхо. Ты и заплатил», — ответила Морана. Голос тихий, почти ласковый.

— Я не знал, что заплачу этим.

«Всегда платишь самым дорогим. Так работает закон. Но у тебя не было выбора. Без крыльев ты не спасёшь Заряну».

— Она не простила бы меня, если бы узнала.

«Она не узнает. А если узнает — поймёт. Ты спасёшь её. Это главное».

Я сжал кулаки. Когти впились в ладони, проткнули хитин. Кровь выступила, потекла между пальцев. Боль вернула в реальность.

Посмотрел на руки. Вены светились ярче прежнего. Новые крылья оттягивали лопатки. Старое правое крыло всё ещё висело плетью.

Встал, шатаясь. Эри забрался на плечо.

Морана заговорила снова:

«Поздравляю, циркач. Теперь ты почти птица. Осталось научиться летать».

— Заткнись.

Она замолчала, но холодок в затылке остался.

Я выбрался из расселины. Хромал, опираясь на кинжал. Новые крылья мешали, цеплялись за камни. Пришлось их сложить — кости скрипнули, перепонки натянулись до предела.

Небо серело. Солнце клонилось к закату. Я смотрел на север, туда, где за перевалом ждал лагерь ордена.

Я иду, Заряна. Держись.

— Теперь осталось научиться летать, — сказал я вслух.

Эри мяукнул, будто соглашаясь.

\*ЗДОРОВЬЕ: 15/400\*

Ночь опустилась на ущелье. Я нашёл пещеру, разжёл костёр пирокинезом. Сел у огня, прислонившись к камню. Эри свернулся на коленях.

Новые крылья болели. Старые — тоже. В груди — пустота

там, где было лицо матери.

Я закрыл глаза. Попытался представить её — и не смог. Только знание: «Она была. Она любила меня». Но как она выглядела — не вспомнить.

Слеза скатилась по щеке. Одна. Я не плакал с детства.

— Я не забуду тебя, мама, — прошептал я. — Даже без лица.

Эри замурлыкал громче, прижался к груди. Тепло кошачьего тела разливалось по телу, выгоняло холод.

Завтра начну учиться летать. У меня нет выбора.

## Глава 8. Первый взмах

Утро пришло серым и холодным. Тучи висели низко, готовые расколоться снегом. Я сидел у потухшего костра, сжимая в пальцах гайку — ту самую, что принёс Эри. Ржавую, прогоревшую. Память об отце.

Отец не успел научить меня летать. В цирке были другие акробаты, а я чинил двигатели. Теперь приходилось учиться самому. За один день.

Новые крылья затекли за ночь. Костяные отростки ныли, перепонки зудели. Я расправил их — скрипнули, натянулись. Левое старое крыло ещё слушалось, правое висело плетью. Эри сидел на камне, смотрел на меня жёлтыми глазами.

— Начнём.

Я отошёл от пещеры, нашёл ровную площадку у подножия скалы. Песок хрустел под ногами. Разбежался, оттолкнулся — и тут же завалился на бок. Колено ударилось о камень, боль ударила до бедра.

\*ЗДОРОВЬЕ: 14/400\*

Эри чихнул.

Я встал, отряхнулся. Сложил крылья, снова расправил. Перепонки натянулись до предела, кости хрустнули.

Второй разбег — пролетел три метра и клюнул носом. Когти заскрежетали по камню. Третий, четвёртый, пятый.

Каждое падение отдавалось в сломанных рёбрах, в вывихнутом плече, в разодранных перепонках.

К полудню я сбил колени в кровь. Ладони стёрлись о камни, хитин на пальцах побелел и покрылся трещинами. Я падал снова и снова. Каждый раз вставал.

Эри уже не мяукал — просто смотрел. Иногда подбегал, лизал разбитое лицо и отходил.

— Не получается, — прохрипел я, сидя на камне. Кровь из разбитой губы капала на грудь.

«Ты слишком торопишься, — сказала Морана. — Крылья не слушаются, потому что ты боишься. Не высоты — падения. Но ты уже падал. Много раз. Ничего страшнее не случится».

— Лёгко тебе говорить. Ты — голос в голове. Тебе не больно.

«Боль — это сигнал, циркач. Не игнорируй его. Используй».

Я стиснул зубы. Встал. Посмотрел на север — там, за скалами, дымил лагерь ордена. Заряна в клетке. Ждёт.

Сжал кулаки. Когти впились в ладони. Боль отрезвила. Разбежался снова. Оттолкнулся, взмахнул крыльями — и не упал.

Пять метров. Десять. Пятнадцать.

Земля уходила из-под ног. Ветер дул в лицо, срывал с губ кровь. Я летел — шатко, неуклюже, заваливаясь то влево, то вправо. Крылья дрожали, перепонки вибрировали. Но я

летел.

Приземлился на одно колено, тяжело дыша. В глазах темнело.

— Получилось.

«Неплохо для первого раза. Повтори».

Я тренировался до вечера. Падал, вставал, летел, падал снова. К закату я мог пролететь двести метров без посадки. Невысоко, неуклюже, сбиваясь с курса. Но мог.

Сел на камень, вытер пот. Крылья болели, перепонки саднили. Колени превратились в сплошную рану. Ладони кровоточили.

Эри запрыгнул на колени, замурлыкал. Котёнок лизнул мою щеку — шершавый язык скользнул по ссадине.

— Ты видел, маленький? Я летал. Не как птица, конечно. Но хотя бы не как камень.

Он мурлыкнул громче.

«Теперь осталось одно, — сказала Морана. — Лагерь ордена на севере. Ты доберёшься за полдня, если полетишь. Но крылья ещё слабы. Если упадёшь посреди пустоши — твари сожрут раньше, чем ты встанешь. Или орденские разведчики заметят».

— Я пойду пешком. А крылья оставлю на крайний случай.

«Умное решение. Циркач. Ты начинаешь думать как хищник, а не как жертва».

Я не ответил. Смотрел на север. Там, за скалами, дымил лагерь ордена. Чёрный дым поднимался в небо, смешиваясь

с тучами. Где-то там, в клетке, Заряна. Ждёт. Надеется.

Вспомнил её лицо — не расплывчатое, как у матери, а живое. Серые волосы, золотые искры в глазах, тонкие руки, перебирающие травы. Её шёпот, когда она лечила меня.

Я вернусь за тобой. Клянусь.

Ночь опустилась на ущелье. Я нашёл расселину, разжёл костёр пирокинезом. Эри свернулся на коленях.

Перед сном я ещё раз расправил крылья. Перепонки натянулись, кости скрипнули. Боль стала привычной. Как дыхание.

Закрыв глаза. Представил Заряну. Её улыбку уголками губ.

Держись. Я иду.

\*ЗДОРОВЬЕ: 12/400\*

Рассвет придёт слишком быстро. Я должен быть готов.

## Глава 9. Лагерь ордена

Я шёл на север второй день. Крылья ныли, но я не пользовался ими — берёг силы. Эри бежал рядом, иногда садился на камни, вылизывал лапы.

Пустошь сменилась редким лесом — кривые сосны, обгоревшие стволы, земля, покрытая пеплом. В воздухе пахло гарью и эфирной гнилью. Где-то вдалеке выли твари.

К полудню я добрался до гребня. Лёг на камни, выглянул.

Внизу, в долине, раскинулся лагерь ордена. Десятки летучих шатров, чёрные паруса, зелёное свечение амулетов. Укрепления из чёрного дерева, эфирные пушки на вышках, патрульные с арбалетами. В центре — огромный шатёр, штаб.

А рядом — клетки. Чёрные, ржавые, подвешенные на цепях. Внутри — женщины. Я прищурился, вглядываясь.

Заряна.

Она сидела в углу клетки, обхватив колени. Седые волосы спутались, падали на лицо. Бледная, худая. Но живая.

\*ЗДОРОВЬЕ: 11/400\*

— Я нашёл тебя, — прошептал я.

Эри прижался к моей ноге. Тоже смотрел вниз, уши прижаты.

Я лежал на гребне до вечера. Считал охранников, запоминал маршруты патрулей. Пушки, вышки, ворота. Смена ка-

раула у клеток — каждые полчаса. Между сменами пауза в две минуты.

В лагере шёл праздник. Солдаты пили вино, жгли костры, горланили песни. Музыканты дудели в дудки, уродцы жонглировали факелами. Пахло жареным мясом, луком, потом и гарью.

«Как ты собираешься войти?» — спросила Морана.

— У меня есть идея.

Я отполз назад, скрылся за скалой. Снял рваный плащ, достал из сумки старый цирковой костюм. Пёстрая куртка с блёстками, штаны с заплатками, колпак с бубенцами. Отец когда-то выступал в нём.

Натянул костюм поверх куртки. Мешковато, рукава болтаются. Но в темноте сойдёт. Колпак нахлобучил — бубенцы звякнули. Я зажал их рукой, чтобы не выдали.

Нашёл осколок зеркала среди камней. Вымазал лицо сажей, золой, водой. Грим лёг неровно, полосами. Из зеркала глядел чужой человек — шут, артист, клоун. Только глаза остались прежними. Усталыми, холодными.

«Ты похож на пугало, — хмыкнула Морана. — Но в темноте никто не разглядит».

— Заткнись.

Я спрятал кинжал под куртку, прижал к поясу. Крылья сложил, придавил плащом. Эри оставил в расселине — велел ждать. Котёнок не хотел, но я сказал:

— Если я не вернусь к утру, уходи на юг. Найди стаю.

Эри фыркнул, отвернулся и демонстративно улёгся на сумку.

— Жди.

Я двинулся к лагерю.

Ворота охраняли двое. Пьяные, сонные. Один жевал мясо, вытирая жир о рукав.

— Кто такой? — спросил он, лениво поднимая копьё.

— Артист. Жонглёр, акробат, танцор на канате. Пришёл порадовать победителей.

Охрана переглянулась. Второй махнул рукой:

— Проходи, шут. Только не воруй.

Я поклонился. Колпак съехал на глаза, бубенцы звякнули.

Шагнул внутрь.

Внутри лагеря шумел праздник. Костры, музыка, пьяные солдаты, женщины в ярких юбках. Я пробирался между шатрами, пританцовывая, размахивая руками. Запомнил расположение пушек, постов, путей отхода.

У штабного шатра стояли клетки.

Я прошёл мимо, делая вид, что разглядываю флаги. Краем глаза сканировал. Там — молодая девушка с перевязанной рукой. Там — старуха с седыми космами. А в углу, в самой дальней клетке —

Заряна.

Я замер на секунду. Она сидела, обхватив колени, опустив голову. Седые волосы закрывали лицо. Пальцы слабо шевелились.

«Не смотри на неё так, — шепнула Морана. — Выдашь себя».

Я отвернулся, пошёл дальше. Остановился у костра, взял кружку с кислым вином. Не пил — только делал вид.

Фестиваль гудел. Кто-то пел, кто-то дрался, кто-то спал лицом в грязь. Я сидел у потухшего костра, смотрел на огни, считал минуты.

Рядом привалился к бочке старик. Древний, морщинистый, с выцветшими глазами. Одет в лохмотья с остатками блёсток. Он бормотал, глядя в огонь:

«Велес украл память у других богов. Хотел стать сильнейшим. Крал воспоминания — по кусочку, по крупице. А потом — у людей. Сильнее всех стал. Но заплатил душой. Память — это ты. Когда она уходит — ты становишься пустым. Есть, но тебя нет».

Солдаты засмеялись, бросили в старика огрызком. Я замер.

«Ты слышал? — прошептала Морана. — Он говорит о нас».

— Заткнись.

Старик продолжал: «Теперь Велес скитается между мирами, собирает чужие воспоминания. Он — тень. Голос в голове. Цепляется к тем, кто крадёт память».

Я сжал кружку. Пальцы затряслись.

Фестиваль утихал. Костры догорали, люди расходились. Я остался один на площади, привалившись к столбу. Колпак

съехал набок, бубенцы молчали.

Ночь стала плотной, как стена.

«Хватит ныть, — прошептала Морана. — Иди к клеткам. Сейчас или никогда. Патрульные сменились, охрана у ворот клюёт носом. Если упустишь момент — будешь жалеть до смерти».

— Знаю.

Я встал, поправил колпак. Проверил кинжал за поясом.

Шагнул в тень.

Впереди чернели клетки. И в одной из них — Заряна.

Я шёл, считая шаги. Тени укрывали меня, бубенцы не звенели — я придерживал колпак рукой.

Заряна, я здесь. Держись.

## Глава 10. Фестиваль уродов

Лагерь ордена гудел. Железные бочки с кострами полыхали, вырывали из темноты пьяные лица, лоснящиеся от жира и пота. Пламя поднималось выше человеческого роста, бросало пляшущие тени на брезентовые стены шатров, на жонглирующих уродцев, на солдат, обнимающих походных подруг. Запах жареного мяса смешивался с кислым вином, потом и эфирной гарью — сладковатая вонь, которая остаётся после работы боевых амулетов.

Я шёл между шатрами, пританцовывая, размахивая руками. Колпак с бубенцами сползал на глаза, пёстрая куртка с блёстками липла к телу от пота. Грим на лице — сажа, зола, немного крови из разбитой губы — давно потеплел, превратился в грязные разводы, но в полутьме сходил за клоунский. Бубенцы звенели при каждом шаге, я то и дело придерживал колпак рукой.

«Ты похож на пугало, — хмыкнула Морана. — Но здесь таких много. Не выделяйся».

— Заткнись.

«И улыбайся. Шуты всегда улыбаются».

Я скривил губы в подобие улыбки. Криво, но в темноте никто не разглядит.

Вокруг плясали уродцы. Настоящие, не в масках — с лишними пальцами, с костяными наростами на спинах, с лица-

ми, стёкшими вниз, как воск. Один, с головой, похожей на сплюснутую тыкву, жонглировал факелами. Подбрасывал их так высоко, что пламя лизало брезентовые своды, и зрители — солдаты в расстёгнутых мундирах — одобрительно ревели, когда он ловил горящую палку за секунду до того, как та касалась ткани. Другой, с длинными, как у паука, руками, ползал по земле, изображая змею, и женщины в ярких юбках визжали, когда он хватал их за ноги.

Акробаты кувыркались на канатах, натянутых между мачтами. Двое мужчин — один с козлиными рогами, второй с чешуёй на руках — перебрасывали друг друга через голову, ловили за мгновение до падения в грязь. Публика редела, бросала медяки.

Я взял кружку кислого вина у проходящей мимо бочки. Вино пахло дёгтем и прелым деревом, от одного запаха сводило скулы. Поднёс к губам, сделал вид, что пью. Ни глотка.

«Правильно, — одобрила Морана. — Пьяный шут — мёртвый шут».

Прошёл мимо костра, где солдаты играли в кости. Кто-то выигрывал, кто-то проигрывал последнюю рубаху. Один, с перевязанной головой, матерился сквозь зубы, швырял кости об землю. Второй, молодой, с испуганными глазами, сжимал в кулаке несколько медяков.

— Эй, шут! — окликнул меня пьяный десятник. — Спляши! Повесели победителей!

Я поклонился. Колпак съехал на глаза, бубенцы звякнули.

— Не могу, господин, — ответил я гнусаво, с акцентом бродячего артиста. — Ноги грязью налиты. С утра упал с трапеции.

— Эх, жалко! — десятник махнул рукой. — Ладно, проваливай.

Я отошёл, продолжая пританцовывать. Где-то в глубине лагеря, у штабного шатра, чернели клетки. Ржавые прутья, цепи, скрипящие на ветру. Внутри — женщины. Ведьмы. Я насчитал пять. В самой дальней, в углу, угадывался знакомый силуэт. Заряна.

«Не смотри туда слишком часто, — шепнула Морана. — Выдашь себя».

— Я знаю.

«Смотри по сторонам. Запоминай. Патрули, пушки, посты».

Перевёл взгляд. У ворот — две эфирные пушки, направленные в пустошь. На вышках — лучники с арбалетами, светящимися зелёным. Патрули ходят по периметру каждые десять минут. У штабного шатра — четверо солдат с мечами. У клеток — двое. Смена караула — каждые полчаса. Между сменами — пауза. Две минуты.

Две минуты.

Я опустил на перевёрнутый ящик у края костра. Рядом, привалившись к бочке, сидел старик. Настоящий старик — не мутант, не орденец. Древний, морщинистый, с выцветшими глазами и редкими седыми космами, торчащими из-под

рваного колпака. Одет в лохмотья, которые когда-то были цирковым костюмом — остатки блёсток ещё поблёскивали в свете огня.

Старик не пил. Смотрел в огонь и бормотал себе под нос. В руках — потрёпанная колода карт, перебирал их, складывал, перекладывал.

— Велес, говорят, украл память у других богов, — бормотал он, не глядя на меня. Голос скрипучий. — Хотел стать сильнейшим. Сильнее Перуна, сильнее Сварога. Крал воспоминания — по кусочку, по крупице. Сначала у младших богов, потом у старших. А потом — у людей.

Замолчал, откашлялся, сплюнул в огонь. Костер зашипел.

— И что? — спросил кто-то из солдат лениво, не оборачиваясь.

— Стал, — старик кивнул. — Сильнее всех. Мог одним взглядом стирать память у целых городов. Но заплатил за это своей душой.

— Душой? — переспросил другой солдат.

— Памятью. Память — это ты. То, что ты любил, то, что ненавидел, то, ради чего просыпался по утрам. Когда память уходит — ты становишься пустым. Ты есть, но тебя нет.

Он перетасовал карты.

— Велес забыл, кто он. Забыл, зачем крал. Осталась только жажда. Голод по чужим воспоминаниям. Скитается между мирами, собирает эхо, цепляется к тем, кто тоже крадёт память. Потому что чужая боль греет его пустоту.

Солдаты засмеялись, кто-то бросил в старика огрызком яблока.

— Философ, бродяга! Лучше бы вина принёс!

Старик не обиделся.

— Теперь он — тень. Голос в голове. Шёпот, который слышат те, кто украл эхо. Не командует, не приказывает. Просто шепчет. Советует. Подталкивает.

Я замер. Кружка выпала из рук, упала на землю, расплескала остатки вина. Сердце ухнуло, заколотилось чаще, отдаваясь в висках.

«Ты слышал? — прошептала Морана. Голос её был странным — не насмешливым, почти уставшим. — Он говорит о нас».

— Ты — Велес? — мысленно спросил я. Пальцы дрожали.

«Нет. Я — эхо. Осколок. Часть того, что осталось от одного из его слуг. Я не помню. Но он прав: чужая память греет пустоту. Мы, воры эха, становимся сосудами».

— А если я не хочу быть сосудом?

«Ты уже стал им. В тот миг, когда коснулся кинжала. Теперь только вперёд. Или пустота».

Старик поднял на меня глаза. Выцветшие, мутные, с красными прожилками. Смотрел сквозь — туда, где под хитином светились мои вены.

— Ты, парень, тоже крадёшь, — сказал тихо. — Я вижу. Ты — один из них.

Я не ответил. Сжал кружку так, что она треснула, порезала

пальцы. Кровь смешалась с вином.

— Не бойся, — добавил старик. — Все мы что-то крадём. Кто память, кто чужие жизни, кто будущее. Только платим по-разному. Ты заплатил уже много. И ещё заплатишь.

Он встал, опираясь на клюку, и пошёл прочь.

— Велес смотрит на тебя, парень. Он всегда смотрит на тех, кто идёт по его следу.

Я остался сидеть у костра.

**\*ЗДОРОВЬЕ: 18/400\***

Фестиваль утихал. Костры догорали, угли шипели, выбрасывая последние искры. Люди расходились по шатрам. Музыканты устало пили вино. Уродцы уже не жонглировали — сидели в тени, перевязывали сбитые пальцы.

Я смотрел на огонь. Вспомнил свой цирк. «Скиф». Шатёр, пахнувший машинным маслом и опилками. Кость с губной гармошкой. Лику, подсовывающую мне лишний кусок хлеба. Хмыря, который трясся, но улыбался. Девчонку-жонглёра, которая смеялась, подбрасывая светящиеся шарики.

Все они мертвы. Цирк сгорел.

«Не ной, циркач, — прошептала Морана. — Дом — там, где Заряна. Пока ты помнишь — они живы».

— Ты не понимаешь.

«Понимаю. У меня тоже был дом. Я забыла, как он выглядел. Но помню, что он был».

Я не ответил.

Полночь наступила незаметно. Луна спряталась за тучи,

тени сгустились, стали тяжёлыми, как свинец. Факелы догорели. Лагерь затих. Только в штабном шатре горел свет.

«Пора, — сказала Морана. — Патрульные сменились. У тебя две минуты».

Я встал, поправил колпак, одёрнул куртку. Проверил кинжал за поясом. Крылья сложил, прижал к спине, накрыл плащом.

Пальцы дрожали.

«Успокой дыхание. Шуты не боятся. Шуты улыбаются».

Я скривил губы. Шагнул в темноту.

Впереди чернели клетки. В углу самой дальней — Заряна. Я видел её силуэт — сгорбленный, неподвижный.

Она ждала.

Я шёл, считая шаги. Тени укрывали меня. Ноги ступали бесшумно — когти не скрежетали по земле, я ставил ступни с носка, как учили в цирке.

Сердце колотилось где-то у горла.

Двадцать шагов. Пятнадцать. Десять.

Клетка.

Она сидела в углу, обхватив колени. Седые волосы спутались, падали на лицо. Глаза открыты — смотрят в одну точку. Не спит.

Я присел на корточки за углом соседнего шатра. До прутьев — пять шагов. Охранников не видно — сменились, новый караул ещё не подошёл.

«Две минуты. Ты потратил уже минуту».

— Я успею.

«Тогда действуй».

Я встал. Сделал шаг к клетке.

Заряна подняла голову. В темноте блеснули глаза — сначала страх, потом неверие.

Я поднёс палец к губам.

— Я здесь, — прошептал одними губами.

Она замерла. Потом медленно кивнула. В её глазах блеснули слёзы.

Я осмотрел замок. Старый, ржавый. Без эфирной защиты. Самонадеянность ордена.

«Минута».

— Хватит.

Я протянул руку к замку.

## Глава 11. Маска артиста

Я протянул руку к замку. Пальцы дрожали — не от холода, от напряжения. За спиной — тишина. Патрульные смеялись, новый караул ещё не подошёл. Две минуты. Я потратил уже больше половины.

Замок был старым, ржавым, без эфирной защиты. Ордены не ждали, что кто-то сунется в самое сердце лагеря. Самонадеянность. Их слабость. Мой шанс.

Я приложил ладонь к металлу, сконцентрировал тепло. Пальцы нагрелись, из кончиков вырвались мелкие искры — голубоватые, шипящие. Жар пошёл от руки вглубь замка, ржавчина затрещала, металл раскалился докрасна. Запахло горелым железом и пригоревшей смазкой. Когти скользнули по скобам, хитин на пальцах потемнел от сажи. Я стиснул зубы, терпел — жёг даже сквозь хитиновые пластины. Капли пота скатились по лицу, зашипели на горячем металле. Боль была острой, но я не отдернул руку. Не сейчас.

Замок хрустнул, развалился на две половинки. Дверца клетки со скрипом отворилась.

Заряна выскользнула наружу. На мгновение прижалась ко мне — вся дрожащая, холодная, пахнувшая потом, кровью и сыростью. Её пальцы вцепились в мой рукав так сильно, что затрещала ткань.

— Ты настоящий? — прошептала она. Голос хриплый, со-

рванный.

— Настоящий. Я здесь.

Я обхватил её за талию, помог сделать первый шаг. Ноги не слушались — она пробыла в клетке слишком долго. Но Заряна стиснула зубы и заставила себя идти.

— Тише, — шепнул я. — Бежим.

Мы рванули между шатрами. Я тащил её за собой, лавируя между верёвками растяжек, перепрыгивая через колышки. Тени укрывали нас, но свет факелов плясал рядом.

Из-за угла выскочил солдат. Я не дал ему закричать — когти сжали горло. Хрустнули позвонки. Тело упало в грязь.

— Туда, — кивнул я на восток.

Сзади раздался крик:

— Пленница! Сбежала!

Факелы зажглись. Солдаты выскакивали из шатров, хватали арбалеты, орали команды. Кто-то уже бежал к клеткам, увидел открытую дверцу и пустое место.

Из тени шагнул первый ловец. Высокий, плечистый, в чёрной броне. Амулет на груди светился гнилостно-зелёным. В руке — короткий меч.

— Стой, клоун.

Я толкнул Заряну за угол шатра.

— Не двигайся.

Ловец атаковал. Меч сверкнул, я ушёл вниз, пропустил лезвие над головой. Когти полоснули по броне — бесполезно. Он ударил рукоятью в лицо. Кровь брызнула из разбитой

губы. Я отшатнулся, но устоял.

— Слабак, — усмехнулся он.

Я выпустил искру в упор — в амулет. Зелёное стекло треснуло, ловец заорал, схватился за грудь. Эфирный разряд ударил по нему, он затрясся, завалился на бок. Я добил его ударом кинжала в шею.

— Бегом!

Мы побежали быстрее. Заряна почти не касалась земли — я волок её, поддерживая за талию. Кровь стучала в висках, лёгкие горели. Каждая секунда тянулась вечностью, но уходила слишком быстро.

Впереди показались ворота. Чёрные, кованые, распахнутые. Рядом — двое охранников. Один спал, прислонившись к столбу. Второй возился с арбалетом — пьян, пальцы не слушались.

— Сейчас!

Я выпустил искру в факел рядом с ними. Ткань шатра вспыхнула, дым повалил густой, едкий. Солдаты закашлялись, замахали руками, бросили арбалет.

Мы проскочили мимо. Ворота были уже в двух шагах, за ними — темнота пустоши, звёзды, свобода.

— Вперёд! — крикнул я, подталкивая Заряну.

Сзади взревел двигатель. Летучий шатёр штаба поднимался — чёрный, с зелёными огнями. Глава ордена стоял на палубе, вцепившись в поручни. Топор в его руке пульсировал гнилостным светом. Я слышал его голос, перекрываю-

щий шум:

— Не дайте им уйти! Окружить!

Мы рванули к воротам. Ещё несколько шагов — и мы на свободе. Но из тени, прямо перед выходом, шагнул второй ловец. Высокий, с двумя кинжалами в руках, амулет на груди светился. Он ждал нас.

— Стой, клоун, — прорычал он, загораживая проход. — Дальше ни шагу.

Я заслонил Заряну. Времени на раздумья не было.

## Глава 12. Ночная дуэль

— Заряна, за меня! — крикнул я, выходя вперёд.

Она отступила к столбу ворот, прижалась спиной к холодному железу. Эри встал рядом с ней, зарычал — тихо, но угрожающе. Котёнок, казалось, понимал, что это последняя преграда перед свободой.

Второй ловец не ждал. Кинжалы сверкнули зелёным, лезвия пульсировали эфирным светом. Удары сыпались один за другим — сверху, снизу, сбоку. Я уклонялся, пригибался, уходил в сторону. Крылья мешали в узком проходе между воротами и стеной шатра — цеплялись за ткань, дёргали плечи.

— Ты далеко ушёл, клоун, — прошипел ловец, нанося очередной удар. — Но недалеко уйдёшь.

— Посмотрим.

Удар. Лезвие скользнуло по перепонке левого крыла. Кровь брызнула, разорванная ткань повисла лохмотьем. Боль обожгла спину, отдалась в затылке. Я зарычал, но не отступил.

— Держись! — крикнула Заряна.

Я ответил ударом когтей в живот ловца. Попал в броню — только искры из-под хитина. Бесплезно. Броня держала, металлические пластины даже не прогнулись.

Ловец усмехнулся, обнажив жёлтые зубы.

— Слабак. И это твоя сила? Тратить эхо на такое убожество — преступление.

Он замахнулся, целясь прямо в глаз. Кинжал сверкнул зеленоватой молнией. Времени уворачиваться не было.

«Эхо-заряд в груди! — закричала Морана. — Выпусти! Слепишь!»

Я сжался, сконцентрировал энергию. Вены на предплечьях вспыхнули белым — ярко, ослепительно, больно. Жар поднялся из живота к горлу, из горла к глазам. Всё тело светло судорогой.

Волна ударила из груди. Зелёная вспышка выжгла темноту.

Ловец заорал, выронил кинжалы. Схватился за лицо, отшатнулся, споткнулся о камень. Из-под век сочилась кровь. Он катался по земле, зажимая глаза.

Этой секунды хватило.

Я выхватил кинжал из-за пояса. Шагнул вперёд. Лево́й рукой схватил ловца за волосы, дёрнул голову назад, открывая шею. Вонзил лезвие в основание черепа — туда, где позвоночник встречается с головой.

Хрустнули позвонки. Тело обмякло, рухнуло на землю, дёрнулось несколько раз и затихло. Чёрная кровь потекла из раны, смешиваясь с пылью.

— Бежим!

Я схватил Заряну за руку. Мы рванули к выходу — теперь никого не было. Ворота зияли чёрным провалом, за ними —

пустошь, звёзды, свобода. Мы выбежали наружу.

Холодный ветер хлестнул по лицам, принёс запах пыли и свободы. Заряна остановилась, согнулась, хватая ртом воздух.

— Не останавливайся! — крикнул я, но было поздно.

Сзади взревел двигатель. Летучий шатёр штаба поднялся — чёрный, с зелёными огнями. Глава ордена стоял на палубе, вцепившись в поручни. Топор в его руке пульсировал гнилостным светом.

— Стой, вор! — заорал он, перекрывая шум.

— Заряна, вперёд! Не оглядывайся!

Он размахнулся. Топор полетел — вращаясь, сверкая зеленоватым, рассекая воздух с противным свистом. Я толкнул Заряну в сторону.

Она упала, покатилась по камням, вскрикнула. Лезвие вонзилось мне в спину. Пробило правое крыло насквозь. Кость хрустнула — сухо, отвратительно. Перепонка разорвалась в клочья. Горячая, липкая жидкость хлынула из раны, заливая спину, капая на землю.

Сознание схлопнулось на секунду. Только искры перед глазами и звон в ушах.

\*ЗДОРОВЬЕ: 4/400 — критическое\*

Я падал. Успел подставить руку под Заряну, прижал к груди. Удар о землю — жёсткий, глухой, с хрустом. Мои рёбра треснули. В глазах потемнело окончательно.

Лежал лицом в пыль. Кровь из спины собиралась в лужу

под животом, тёплая, липкая, пахнувшая железом. Дыхание — хриплое, прерывистое.

«Не умирай», — прошептала Морана.

Заряна склонилась надо мной. Её ладони прижались к ране — горячие, дрожащие. Губы зашевелились. Шёпот был тихим, надорванным.

— Держись. Не умирай. Ты обещал. Ты сказал, что вернёшься. Не оставляй меня. Пожалуйста.

Глава спускался с шатра. Тяжёлые сапоги стучали по камням. Топор он поднял с земли — лезвие всё ещё светилось. Он шёл медленно, смакуя момент.

— Умрёшь здесь, вор, — сказал он, останавливаясь в трёх метрах. — А ведьма будет служить нам. Забудет тебя через месяц.

Он занёс топор для последнего удара.

И в этот момент из темноты вылетел Эри. Огромный, размером с собаку. Шерсть стояла дыбом, глаза горели красным, когти — длинные, как бритвы. Он вцепился главе в лицо — раздирал кожу, вырывал куски плоти.

— Что за тварь?! — заорал глава, выронил топор, схватился за лицо. Кровь хлестала между пальцев.

«Твой кот — эхо, — прошептала Морана. — Я говорила. Он тоже из эфира».

— Эри, ко мне! — крикнул я, но голос сорвался.

Кот отпустил главу, отскочил. Подбежал ко мне — снова маленький, окровавленный. Лизнул мою руку, потом за-

брался на грудь, свернулся клубком и замурлыкал. Глубоко, громко, настойчиво. Вибрация разливалась по телу, успокаивала боль.

— Бежим, — прохрипел я.

Заряна подхватила меня, помогла встать. Крылья висели плетьюми, правое — сломанное окончательно, левое — разорванное. Кровь капала на камни.

Мы пошли — хромая, падая, поднимаясь. Лагерь остался позади. Крики затихли.

Я упал на колени. Кровь заливала спину. Заряна снова склонилась надо мной, шептала. Эри лизнул руку, замурлыкал громче.

«Живи, циркач», — прошептала Морана.

Провалился в темноту.

\*ЗДОРОВЬЕ: 2/400 — критическое\*

Последнее, что услышал — её шёпот:

— Я люблю тебя. Не умирай.

## Глава 13. Жертва

Я провалился в темноту. Не ту, что за закрытыми веками, а другую — тягучую, липкую, где время текло вспять, где прошлое смешивалось с настоящим, а будущее исчезало в сером мареве. Где-то на краю сознания пульсировала боль — тупая, ноющая, расползающаяся от спины к позвоночнику, от позвоночника к затылку. Я чувствовал, как тело становится чужим, неподъёмным — будто кто-то навалил на грудь мешок с песком, а сверху ещё один.

\*ЗДОРОВЬЕ: 2/400\*

Заряна стояла на коленях рядом, вжимая ладони в мою спину. Пальцы дрожали, но не отрывались от раны. Кровь текла между ними, тёплая, липкая, пахнувшая железом и смертью, пропитывала разорванную ткань куртки, стекала по бокам, впитывалась в землю. Я чувствовал, как она уходит — не просто кровь, жизнь уходит. Дыхание становилось реже, пульс — слабее.

— Держись, — шептала она. Голос рваный, отчаянный. — Не смей умирать. Ты обещал. Ты сказал, что вернёшься. Я знала, что ты придёшь за мной. Не оставляй меня теперь, когда мы почти выбрались. Я не переживу ещё одну потерю.

Я хотел ответить, сказать, что всё будет хорошо, что я не сдамся. Но язык онемел. Веки тяжелели, закрывались сами. Заряна заговорила быстрее. Шёпот стал громче, настой-

чивее, будто она вкладывала в него не только слова, но и саму душу. Слова складывались не в русский, не в язык ведьм — в нечто древнее, текучее, похожее на шелест листьев под ветром. Я не понимал их, но чувствовал смысл — глубже, чем разумом.

Тепло потекло от её ладоней в мою спину. Сначала приятное, как летнее утро, потом горячее, как дыхание костра, потом обжигающее, как расплавленный свинец. Но не больно — странно, будто кто-то заливал рану жидким светом, который не жёг, а исцелял.

Тепло поднималось к позвоночнику, растекалось по рёбрам, затягивало края разорванной плоти. Я чувствовал, как мышцы сокращаются, срачиваются, как кожа стягивается грубым рубцом. Боль уходила — не сразу, волнами, оставляя после себя пустоту.

Но рана не закрывалась до конца. Эфирные каналы, по которым текла магия — та самая, что давали мне мутации и кражи, — были повреждены слишком глубоко. Края разодраны в клочья, нити памяти оборваны. Кровь всё ещё сочилась из глубины, не останавливаясь.

— Не получается, — прошептала Заряна. В её голосе впервые прозвучало отчаяние — не громкое, не истеричное, а тихое, сломленное, как у человека, который понял, что не может спасти того, кого любит. — Не хватает сил. Я отдала уже много, но этого мало. Он умирает.

«Ей нужно больше, — сказала Морана. Голос был тихим,

почти уважительным. — Твоя рана слишком глубока. Топор задел эфирные каналы, которые питают не только тело — саму память. Обычный шёпот не поможет. Нужно отдать не просто энергию — часть себя. Часть своей памяти. Часть своей сути».

— Что ты предлагаешь? — вслух спросила Заряна, даже не удивившись, что слышит голос в голове. Она уже знала о Моране. Я рассказывал.

«Вплети в шёпот свои воспоминания. Самые яркие, самые тёплые. Каждое из них — как нить. Сплети их воедино, и они затянут рану, восстановят эфирные каналы. Но ты потеряешь их навсегда. Они уйдут в него, станут частью его памяти, а из твоей исчезнут».

— Я потеряю... себя?

«Часть себя. Не всю. Ты останешься собой, но некоторые уголки твоей памяти опустеют. Ты не вспомнишь, как пахли цветы на поляне, где ты училась. Не вспомнишь имени первой подруги. Не вспомнишь, как звучал голос наставницы в тот самый первый день. Ты станешь другой. Но он выживет».

— Другой, но живой?

«Да».

Заряна замерла на секунду. Её ладони всё ещё лежали на моей спине, пропитанные кровью. Посмотрела на моё лицо — бледное, серое, с запёкшейся кровью в уголках губ, с тёмными кругами под глазами. На мои крылья — сломанные, разорванные, бесполезные, кость правого торчит под неесте-

ственным углом. На мои руки — когтистые, хитиновые, свещающиеся тусклым голубым, который угасал вместе с жизнью.

Потом закрыла глаза.

— Я согласна.

«Ты уверена? Ты не вернёшь эти воспоминания. Даже если выживете. Даже если найдёте Корону. Память не восстановить. Только создать новую».

— Он не должен умереть, — сказала она твёрдо. — Не сейчас. Не после всего, что мы прошли. Не после того, как он пришёл за мной в самое сердце ордена. Я не позволю.

«Тогда шепчи. Не останавливайся. Вспоминай самое дорогое и отдавай».

Заряна склонилась ниже. Её лоб коснулся моего затылка, седые пряди упали на лицо. Ладони снова прижались к ране, но на этот раз сильнее, почти вдавились в разорванную плоть. Шёпот изменился — стал глубже, древнее, будто из неё выходила не магия, а сама жизнь. Слова были неразборчивы, но я чувствовал их вес. Каждый слог давил на грудь, на виски, на затылок, проникал в кровь, в кости, в память.

А потом я увидел.

Не глазами — сознанием. Картинки всплывали перед внутренним взором, яркие, цветные, живые, пахнущие, звучащие. Они входили в меня, как чужие эхо, но не чужие — теперь мои. Заряна отдавала их мне.

**\*Лес. Поляна, залитая солнцем.** Пахнет разнотравьем — чабрецом, полынью, мятой. Бабочки летают над цветами,

шмели гудят. Заряна — молодая, лет пятнадцати, с русыми волосами, заплетёнными в косу, — сидит на пне. Рядом наставница — высокая седая женщина с добрыми морщинами вокруг глаз.

«Чувствуешь?» — наставница берёт её руку, ведёт пальцем по длинному шраму на своей ладони. «Каждая рана хранит память. Холод металла. Боль. А потом тепло, когда заживает. Всё тело — это память. Когда человек болен — он забывает, каким был здоровым. Твоя задача — напомнить ему. Не словами. Шёпотом».

Заряна закрывает глаза. Сначала ничего. Потом слабые образы: лезвие, кровь, слёзы. И тепло — разливающееся по пальцам, по ладони, по руке, поднимающееся выше, к сердцу. Она начинает шептать первые слова — неуверенно, с запинками. Наставница улыбается, гладит её по голове.

Картинка растаяла, как утренний туман. Я почувствовал, как что-то тёплое перетекает из её пальцев в мою спину. Затывает пробоины в эфирных каналах, сращивает разорванные мышцы, стягивает кожу. Боль уходила волнами.

Волосы Заряны — ещё минуту назад тёмные, с редкой сединой у висков, — побелели на глазах. Прядь за прядью, будто кто-то вылил на них серебряную краску. Кожа истончилась, под глазами залегли синие тени, щёки ввалились, губы побледнели, стали почти прозрачными.

Она становилась старше. Бледнее. Прозрачнее. Будто уходила в тень, оставляя после себя только свет.

Но не останавливалась.

**\*Зимний вечер. Круг ведьм.** Десятки женщин в тёплых платках, сидят у огромного костра, поют. Голоса сливаются в многоголосье. Пламя поднимается выше человеческого роста, отбрасывает пляшущие тени на снег. Заряна уже не девочка — молодая женщина, с уверенными руками. Держит в руках маленький узелок с травами.

«Теперь ты ведьма, — говорит наставница. — Не просто лечишь — хранишь память. Чужую боль делаешь своей. Это тяжело. Но кто-то должен».

Заряна кивает, сжимает узелок.

Потом — Разрыв. Крики, огонь, эфирные взрывы. Наставница падает, закрывая собой Заряну. Кровь на виске. Заряна кричит, но звука нет.

Я почувствовал, как ещё одна нить перетекла из неё в меня. Позвоночник обожгло холодом — один эфирный канал восстановился, нить за нитью, клетка за клеткой. Спина перестала гореть. Кровь остановилась.

Заряна покачнулась, но удержалась. Её лицо стало белым, как бумага, губы синими, руки тряслись крупной дрожью.

— Ещё немного, — прошептала она одними губами, не открывая глаз.

«Остановись, — сказала Морана. — Ты отдала уже слишком много. Ещё одно воспоминание — и ты не вспомнишь даже своего имени. Ты станешь пустой. Как старая цистерна, из которой выкачали всё до дна».

— Он будет жить, — ответила Заряна. — Это главное. Без него я и с памятью не выживу. А с ним — даже пустая, смогу начать заново. Он подарит мне новые воспоминания.

«Ты уверена?»

— Я никогда не была так уверена.

Она закрыла глаза. Шёпот стал тише, но отчётливее. Я слышал не слова — образы. Каждый из них выходил из неё, как последний вздох, перетекал в меня, заполнял пустоту, которую оставили мои собственные стёртые воспоминания.

**\*Первый поцелуй.** Мальчик с ржавыми веснушками на щеках, в клетчатой рубашке, застенчиво улыбается. Запах дождя и мокрой листвы. Скамейка в старом парке, чугунные спинки, крашенные зелёной краской. Он наклоняется, она закрывает глаза. Губы сухие, но тёплые. Сердце колотится. Имя его — Саша? Серёжа? Она забыла потом, но чувство осталось. Тепло. Робость. Счастье.

Всё уходило из неё. Саша, Серёжа — кто он был, уже не важно. Запах дождя, вкус его губ, шорох листьев под ногами — всё это втекало в меня, а из неё исчезало навсегда.

Моё тело дёрнулось. Рёбра хрустнули, вставая на место — больно, отрывисто, как удар кузнечного молота. Я почувствовал, как срстаются треснувшие кости, как мышцы обвивают их. Позвоночник обожгло холодом — последний эфирный канал восстановился.

**\*ЗДОРОВЬЕ: 28/400** — стабильное, тяжёлое\*

Я открыл глаза.

Надо мной склонилась чужая женщина. Белые, как снег, волосы, разметавшиеся по плечам, на концах посечённые, безжизненные. Бледное, почти прозрачное лицо — с синими венами под тонкой кожей, с запавшими висками, с тёмными кругами. Щёки ввалились, губы побелели, потрескались. Только глаза — те же, золотые искры в глубине — потускневшие, усталые, но живые. Единственное, что осталось от прежней Заряны.

— Ты жива, — прошептала она.

— Заряна? — прохрипел я.

Она слабо улыбнулась. Уголки губ дрогнули — та самая улыбка, которую я запомнил.

— Я в порядке, — сказала она.

Голос был тихим, надорванным, как у старой женщины. Она откинулась на спину, упала на камни. Руки безвольно легли на землю — тонкие, с длинными пальцами, которые больше не светились эфирным светом.

Я приподнялся на локтях. Спина горела огнём, но боль ушла — осталась тупая, ноющая пустота. Правое крыло срослось криво — кость торчала под неестественным углом, перепонка стянулась грубым багровым шрамом.

— Зачем ты это сделала?

Она не ответила сразу. Смотрела в небо — серое, низкое, без звёзд. Ветер трепал её белые волосы, разбрасывал их по камням.

— Ты нужен мне живым, — сказала наконец. — Без тебя

я не выберусь. Не только отсюда — из себя. Я столько раз теряла, что думала — следующая потеря сломает меня окончательно. Наставницу. Сестёр. Дом. А потом появился ты. Ты — такой же потерянный, как я. Ты тоже ничего не помнишь. Но ты идёшь вперёд. Ты вернулся за мной, когда мог уйти. И я поняла — ты единственное, что у меня осталось.

— Теперь ты...

— Седая, — она дотронулась до волос, посмотрела на прядь. — Да. Вся сила ушла. Многие воспоминания — тоже. Я не помню, как звали того мальчика из первого поцелуя. Не помню, какой была наставница в молодости. Не помню, как пахли цветы на поляне, где я училась. Но это не страшно. Я и так уже не была молодой.

— Ты отдала почти всё.

— Не всё, — она сжала мою руку. Пальцы холодные, тонкие, но цепкие. — Главное осталось. Я помню, кто я. И ради кого.

Эри подошёл, лизнул её щёку. Потом лёг на грудь, свернулся клубком, замурлыкал. Глубоко, громко, настойчиво — вибрация разливалась по её телу, успокаивала, согревала.

Я сел, закашлялся. В груди саднило, но дышать стало легче — воздух входил в лёгкие полной грудью.

— Надо уходить. Орден придёт на рассвете.

— Куда?

— К стае. Они в пещере за перевалом. А потом — на юг. В эфирные бури.

— Ты уверен, что они нас примут?

— Они наши. Мы их семья.

Заряна кивнула.

Я встал, помог подняться ей. Она пошатнулась, ноги подкосились — я поддержал её за талию, прижал к себе. Она была лёгкой, как перо.

— Держись за меня.

— Всегда.

Эри побежал вперёд. Мы двинулись в темноту — медленно, хромая, опираясь друг на друга.

Вскоре показалась знакомая расселина. Внутри пахло дымом — костёр. Значит, стая ещё здесь.

— Мы пришли, — сказал я.

Из глубины пещеры вышел Еремей с арбалетом на изготовку. Увидел нас, опустил оружие, покачал головой.

— Живы? — спросил хрипло.

— Живы, — ответил я. — Готовьтесь. На рассвете уходим на юг. В эфирные бури.

— А орден?

— Не сунется.

Еремей посмотрел на Заряну, на её белые волосы. Не спросил. Только кивнул.

Я завёл Заряну в пещеру, усадил у костра на расстеленный плащ. Эри сразу забрался к ней на колени.

— Отдыхай, — сказал я. — До рассвета ещё несколько часов.

— А ты?

— Я посижу у входа. Посторожу.

Она кивнула, закрыла глаза. Дыхание стало ровным, глубоким. Белые волосы отражали свет углей, казались серебряными.

Я вышел из пещеры, сел на камень у входа, сжимая кинжал. Смотрел на звёзды, слушал, как за скалами воют твари.

«Ты думаешь о том, что будет завтра?» — спросила Морана.

— Всегда.

«Орден не отступится. Твои вены светятся даже сквозь оберег».

— Знаю. Поэтому мы уходим в бури.

«А если не пройдёте?»

— Пройдём.

Я посмотрел на пещеру. Заряна спала. Белые волосы разметались по плащу, лицо бледное, но спокойное.

«Ты готов пожертвовать собой ради неё?»

— Я уже пожертвовал. Не собой — своей памятью. Она — своей силой. Мы квиты.

«Неплохо, циркач, — прошептала Морана. — Ты выжил. Но я никуда не ушла. Я буду с тобой, пока ты помнишь моё имя».

— Знаю. И, может, это не так плохо.

«Ты меняешься».

— Все мы меняемся. Память уходит, остаётся только вы-

бор. Я выбрал её.

Морана замолчала.

Я достал из кармана ржавую гайку — ту самую, что принёс Эри. Сжал в кулаке. Тепло разлилось по груди — будто отец рядом.

— Я не подведу, — прошептал я.

Рассвет окрасил небо в багровый и золотой. Я разбудил стаю.

— Идём. На юг. В эфирные бури.

Люди зашевелились, собирали узлы, помогали раненым. Женщина с ребёнком шла впереди, прижимая малыша к груди. Эри бежал рядом.

Заряна взяла меня за руку. Пальцы холодные, тонкие, но цепкие.

— Мы справимся.

— Справимся.

Я обернулся. За скалами всё ещё поднимался дым — лагерь ордена. Заряна была здесь, рядом. Живая. Беловолосая, бледная, но живая.

Мы шагнули на юг, туда, где небо сливалось с землёй в эфирном мареве.

\*ЗДОРОВЬЕ: 28/400\*

## Глава 14. Пепел и рассвет

После того как мы покинули пещеру, прошло три дня. Заряна держалась за мою руку, иногда останавливалась перевести дыхание. Белые волосы разметались по плечам, лицо осунулось, под глазами залегли тени — синие, глубокие, как ночное небо. Она не жаловалась. Даже когда ноги подкашивались, даже когда приходилось опираться на меня почти всем весом, она не произносила ни слова. Только сжимала мою ладонь сильнее, будто боялась, что я исчезну.

Эри бежал впереди. Котёнок устал, лапы стёрлись о камни, подушечки потрескались, но он не отставал. Его огненные глаза в сером свете казались двумя угольками, тлеющими в пепле.

Ущелье расширилось, скалы расступились. Ветер нёс запах эфира — сладковатый, тошнотворный, но уже знакомый до боли. Пахло озоном и горелой землёй, ещё чем-то неуловимым — древним, забытым, от чего волоски на затылке вставали дыбом. Впереди, на горизонте, клубилось серое марево. Эфирные бури. Они переливались красными и зелёными сполохами, тянулись вверх, как щупальца, исчезали в облаках.

— Скоро придём, — сказал я.

Заряна кивнула. Её губы потрескались, в уголках запеклась кровь. Она смотрела на марево без страха — с усталым

спокойствием человека, который уже видел столько смертей, что бояться просто не осталось сил.

Позади остались горы, ущелья, пещеры. Позади остался лагерь ордена, где мы потеряли Костя, Лику, Хмыря, девчонку-жонглёра. Позади остались могилы, которые я вырыл когтями в мёрзлой земле. Я не помнил их имён — только лица. Расплывающиеся, как акварель на мокрой бумаге. Скоро я забуду и их.

Впереди ждало неизвестное.

«Ты боишься?» — спросила Морана.

— Нет. Устал.

«Это одно и то же».

— Может быть.

\*ЗДОРОВЬЕ: 28/400\*

К полудню мы добрались до края эфирного марева. Воздух дрожал, искрил, переливался. Камни под ногами были покрыты странным налётом — белым, пушистым, как плесень. Я коснулся его когтем — налёт зашипел, испарился, оставив на хитине чёрное пятно.

Серый туман клубился, переливался красными и зелёными сполохами. Внутри него ничего не было видно — только бесконечная, живая мгла. Она дышала. Пульсировала. Я чувствовал, как эхо кинжала внутри меня отзывается, как вены на предплечьях начинают светиться ярче.

Люди остановились. Кто-то крестился, кто-то шептал молитвы. Женщина с ребёнком прижала малыша к груди, за-

шептала колыбельную.

— Туда? — спросил Еремей, глядя на марево. Голос дрожал.

— Туда, — ответил я. — Орден не сунется. Бури убьют их раньше, чем они нас найдут.

— А нас не убьют?

— Не знаю. Но другого выхода нет.

Заряна шагнула вперёд, протянула руку к мареву. Пальцы вошли в туман, и он зашевелился, будто живой — обвил её запястье, лизнул, отпрянул. Она не отдёрнула руку.

— Я чувствую, — сказала она. — Здесь много воспоминаний. Чужих, древних. Они не опасны, если не сопротивляться. Не пытаться их украсть.

— А если кто-то попытается? — спросил я.

— Тогда марево съест его память. Останется только тело. Пустое.

Она сделала первый шаг. Эри прыгнул следом, не раздумывая. Котёнок не боялся — он тоже был частью эфира. Его шерсть засветилась изнутри, глаза вспыхнули ярче, и он исчез в тумане, только огненные точки остались — два маяка в серой мгле.

Я обернулся к стае.

— Держитесь за руки. Не отпускайте друг друга. Если кто-то потеряется — кричите.

Люди зашептались, заспорили, но Еремей поднял руку.

— Хватит. Парень нас вытащил. Идём.

Он взял за руку женщину с ребёнком, она — старика с перевязанной ногой, тот — молодого парня с арбалетом. Цепочка выстроилась.

Я взял Заряну за руку. Её пальцы были холодными, тонкими, но цепкими.

— Идём.

Мы шагнули в марево.

Мир изменился мгновенно. Краски смешались, предметы потеряли чёткость, распались на цветные пятна. Вокруг клубился серый туман, пахнущий озоном и грозой. Я слышал обрывки чужих мыслей — тысячи голосов одновременно, сливающихся в низкий протяжный гул.

Заряна сжала мою руку.

— Не отпускай.

— Не отпущу.

Эри бежал впереди, освещая путь. Котёнок шёл уверенно, иногда оглядывался, проверял, следом ли мы.

Мы шли сквозь марево. Я не знал, сколько прошло времени — час, два, день. Туман сгущался, редел, снова сгущался. Иногда перед глазами всплывали видения — чужие воспоминания, вплавленные в эфир.

Я видел города, которых больше нет. Высокие башни из белого камня, улицы, вымощенные брусчаткой, фонтаны, бьющие в небо. Люди в ярких одеждах смеялись, торговали, влюблялись. А потом — Разрыв. Небо раскалывалось фиолетовыми молниями, земля уходила из-под ног, люди пада-

ли, исчезали. Город рассыпался в пыль за несколько секунд.

Я видел битвы, которые никто не помнил. Тысячи воинов в ржавых доспехах сходились на поле, усеянном костями. Мечи сверкали, кровь лилась рекой, знамёна падали в грязь. А потом — тишина.

Я видел лица. Много лиц. Старые, молодые, красивые, уродливые — все они смотрели на меня, открывали рты, будто хотели что-то сказать. Но звука не было.

Одно видение остановило меня.

Я увидел отца. Он сидел в старом шатре, на ящике из-под снарядов. Масляная лампа качалась, тени плясали на стенах. В руках отца — гайка. Он перекатывал её с ладони на ладонь.

«Сын, механика — это честный труд. Не то что воровство эха. Мы чиним, а не крадём. Запомни».

Я хотел ответить, но видение растаяло. Гайка упала на землю, звякнула о камень. Я протянул руку — пальцы прошли сквозь.

— Артём? — голос Заряны вернул меня. — Ты где?

— Здесь. Всё в порядке. Не смотри на видения. Смотри только на свет.

Я перевёл взгляд на огненные точки Эри. Они мигали, пульсировали, но не гасли. Я шёл за ними.

Вдруг туман рассеялся.

Это произошло неожиданно — как будто кто-то отдернул тяжёлую штору. Серое марево исчезло. Небо было голубым, без единой тучи. Солнце грело лицо — тепло, по-настоящему.

му.

Внизу простиралась долина. Зелёная, живая, с рекой, с лесом, с полями. Вдали виднелись крыши домов — не руины, настоящие дома, с дымком из труб.

— Мы прошли, — прошептала Заряна.

— Прогли.

Я посмотрел назад. Эфирное марево клубилось за спиной, закрывая проход. Орден не пройдёт. Не сейчас.

Люди выходили из тумана. Кто-то упал на колени, целовал землю. Женщина с ребёнком плакала от счастья. Еремей стоял, опираясь на клюку, и молча смотрел на долину.

— Где мы? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я. — Но здесь нет ордена.

— Этого достаточно.

**\*ЗДОРОВЬЕ: 28/400\***

Заряна прижалась ко мне, положила голову на плечо.

— Что дальше? — спросила она.

— Отдыхать. Лечить раны. Жить.

— А потом?

— Потом — искать Корону Велеса. Становиться сильнее.

Она кивнула.

Мы двинулись вниз, к реке. Эри бежал впереди, ловил бабочек. Впервые за долгое время он выглядел счастливым.

Я смотрел на Заряну. Белые пряди трепал ветер. Она улыбнулась — устало, но тепло.

— Ты справился, — сказала она.

— Мы справились.

Вдали показался город. Маленький, деревянный, с дымком из труб. Люди смотрели на нас с опаской, но не прогоняли.

Нас встретил староста — седой старик с клюкой.

— Откуда вы?

— С севера. От ордена.

— Вы прошли через эфирные бури?

— Прошли.

— Тогда вы чудом живы. Идёмте, я дам вам еду и кров. А вы, — он посмотрел на меня, — кто будете?

— Артём. Механик.

— А она?

— Заряна. Ведьма.

Староста помолчал, потом кивнул.

— Ведьма так ведьма. Лишь бы помогала.

— Поможет.

Стая расселилась по домам. Женщина с ребёнком ушла с доброй старухой. Еремей остался со мной.

— А ты? — спросил он. — Куда теперь?

— Отдохну. А потом — дальше.

— Один?

— С Заряной. С Эри.

— А мы?

— Вы останетесь здесь. Это безопасное место.

— А если орден придёт?

— Не придёт. Бури не пропустят.

Старик покачал головой, но спорить не стал.

Мы сидели на крыльце дома старосты. Солнце садилось, окрашивая небо в багровый и золотой. Заряна спала на лавке, укрытая плащом. Эри свернулся у неё на коленях.

Я смотрел на запад, туда, где, по слухам, лежала Корона Велеса.

«Ты готов?» — спросила Морана.

— Да.

«Ты знаешь, что будет дальше? Тебе придётся снова красть. Снова терять. Пока не останется ничего».

— Я знаю. Но если я не стану сильнее, орден вернётся. Убьёт всех. Заряну. Эри. Я не допущу этого.

«Тогда иди. Я покажу путь».

Я встал, подошёл к Заряне, поправил плащ. Эри открыл один глаз, посмотрел на меня.

— Скоро вернусь, — сказал я коту.

Он мяукнул, закрыл глаз.

Я должен идти один. Они не поймут. Им не нужно знать, во что я превращаюсь.

Артём шагнул в пепел. За спиной остался дым лагеря ордена. Впереди ждали эфирные бури — и, может быть, покой.

\*ЗДОРОВЬЕ: 28/400\*

# КНИГА 2 - Перчатки памяти предков.





# Глава 1. Пепел и следы

Пустошь встречала запахом гари и прелой листвы. Три дня минуло с тех пор, как мы вышли из эфирного марева. Три дня, как за спиной остался лагерь ордена, три дня, как Заряна проснулась белой как мел и не проронила ни слова о том, что отдала. Её волосы, ещё недавно тёмные с редкой сединой, теперь свисали спутанными прядями — безжизненные, посечённые на концах. Она не смотрелась в осколки зеркала, которые иногда попадались на дороге. Я тоже не предлагал.

Я шёл первым, вжимая когти в рыхлую землю. Хитин на пальцах скреб по камням, оставляя тонкие белые царапины. Слева, опираясь на кривую палку, брела Заряна. Её пальцы сжимали дерево так сильно, что костяшки побелели. Каждые сто шагов она останавливалась, переводила дыхание, потом снова двигалась. Ни разу не пожаловалась. Только сжимала мою руку сильнее, когда ноги начинали подкашиваться.

Эри бежал впереди, высунув розовый язык. Маленькие лапы утопали в пыли. Его огненные глаза в сером утреннем свете казались двумя угольками. Иногда он оглядывался — проверял, не отстали ли мы. Потом снова нырял вперёд, обнюхивал камни, чихал от пыли.

За нами тянулись остатки стаи. Еремей — хромой старик с арбалетом за спиной — замыкал колонну. Его левая нога

волочилась, но он не жаловался. Только матерился тихо, когда камень попадал под стопу. Женщина с ребёнком тащила узел с тряпками. Мальчик лет трёх спал у неё на руках, прижавшись щекой к впалой груди. Она то и дело поправляла тряпицу, укрывавшую его голову от ветра. Молодой парень — Лёха, бывший жонглёр — волочил перевязанную руку. Его пальцы скрючились, и он смотрел только под ноги. Всего нас осталось одиннадцать. Цирк «Скиф» сгорел. Кость, Лика, Хмырь остались в ущелье. Я вырыл им могилы когтями, потому что лопаты не было. Земля была мёрзлой, хитин на пальцах треснул, кровь смешалась с глиной. Не помню, что говорил. Наверное, ничего. Заряна шептала над каждым телом — коротко, по-своему, по-ведьмовски. После этого она побледнела ещё сильнее.

К полудню небо затянули тучи. Серые, низкие, тяжёлые. Влажность оседала на хитине предплечий, смешивалась с застывшей кровью, скатывалась мелкими каплями. Воздух пах озоном — далёкая эфирная буря бродила где-то на юге. Иногда ветер доносил сладковатую вонь горелой земли.

«Смотри на следы», — шепнула Морана.

Я остановился, прикрыл глаза. Вены на руках запульсировали — голубые нити под хитином засветились ярче. Я сосредоточился, как учила Морана: отключить зрение, переключиться на эхо-потоки. Сначала темнота. Потом мир перед внутренним взором сменил окраску. Земля стала фиолетовой, плотной. Камни — синими, с прожилками. Расте-

ния — тускло-зелёными, почти чёрными. А впереди, в ста шагах, горело оранжевое пятно. Яркое, пульсирующее.

\*МУТАЦИЯ: эхо-зрение (ранг 3)\*

Два дня назад Морана научила меня этому. Мы наткнулись на старого бродягу, умершего у дороги. Он лежал лицом в песок, вокруг него воздух дрожал — эхо ещё не рассеялось. Я не крал его память. Только посмотрел. И увидел, как он шёл, где падал, где пил в последний раз. Потом видение погасло, оставив боль в висках.

«Тот след свежий, — Морана указала на оранжевое. — Животное. Крупное. Не приближайся».

— Эри, ко мне. Кот подбежал, встал у ноги, прижал уши. Шерсть на загривке встала дыбом. Ноздри раздувались — он тоже чуял.

Мы обошли опасное место по дуге, через рощу кривых берёз. Кора на стволах была содрана — кто-то точил когти. Глубокие борозды уходили вверх, выше моего роста. Тварь была крупной — метра два в холке. Не медведь: медведи в пустошах не водятся. Эфирная тварь.

Заряна шла молча, только иногда поглядывала на царапины. Её лицо оставалось спокойным, но я видел, как она прижимает к себе узелок с травами — единственное, что осталось от наставницы.

К вечеру Заряна села на камень и не встала. Я подал знак Еремею: привал. Люди попадали на землю, кто-то достал флягу, кто-то просто лёг, закрыв глаза. Женщина с ребёнком

опустилась на корточки, прижала малыша к груди, зашептала что-то ласковое.

Я опустился рядом с Заряной, взял её руки в свои. Пальцы холодные, тонкие, с обломанными ногтями.

— Я могу идти, — сказала она тихо. — Не останавливайся из-за меня.

— Мы идём вместе.

— Ты потеряешь время.

— Орден не пройдёт через бури. Мы прошли. Они — нет. Заряна покачала головой. Белые волосы зашевелились, посыпалась мелкая пыль. Где-то в прядях запуталась сухая травинка.

— Я чувствую себя пустой, — её голос дрогнул впервые за три дня. — Раньше я слышала память тела. Каждый шрам рассказывал историю. Каждая мозоль — о работе. А теперь тишина. Иногда мне кажется, что я стала стеклянной. Меня видно, но внутри ничего нет. Ни шороха, ни тепла, ни боли. Пустота.

Она говорила ровно, без слёз, без надрыва. Как человек, который уже переплакал всё, что можно. Это было страшнее крика.

Я полез в карман. Пальцы нащупали холодный металл. Гайка. Ржавая, прогоревшая, с резьбой, стёртой до гладкости. Эри принёс её из груды обломков. Кот положил гайку к моим ногам и смотрел выжидающе.

Я сжал её в кулаке. Металл холодил ладонь, но внутри раз-

ливалось тепло — воспоминание о том, что когда-то у моего отца была такая же. Он держал её в пальцах, когда учил меня закручивать гайки. Я не помнил его лица, не помнил голоса. Но помнил это — тепло, которое не имело отношения к температуре металла.

— У меня тоже ничего нет, — сказал я. — Лица матери. Запаха её блинов. Первого шага по канату. Всё это ушло. Но я помню, что это было. Не как — помню, что было. И ты помнишь.

Заряна посмотрела мне в глаза. В глубине мелькнули золотые искры — последнее, что осталось от её силы. Маленькие, тусклые.

— А если я забуду тебя?

— Я буду напоминать.

Она не ответила. Только придвинулась ближе, положила голову мне на плечо. Волосы пахли полыньёю и дымом — этот запах вьелся намертво, его не могли выветрить ни ветер, ни пыль. Я обнял её, стараясь не задеть крыльями. Левое крыло ещё болело там, где жало скорпиона пропороло перепонку. Остался грубый багровый шрам. Правое срослось криво после топора Главы — кость торчала под неестественным углом, и я не мог сложить его до конца. Оно всегда чуть заметно топорщилось под курткой.

Эри подошёл, лёг у ног, зажмурился.

Ночь опустилась синей, прозрачной. Звёзды пробивались сквозь прорехи в тучах — редкие, бледные. Луна скрылась

за гребнем скалы, и в её свете камни казались остывшими углями.

Я разжёл костёр пирокинезом. Пальцы нагрелись, из кончиков вырвались мелкие искры — голубоватые, шипящие. Жар пошёл от руки, сухая трава вспыхнула мгновенно, обдала лицо запахом гари и тепла. Пламя поднялось выше колена, осветило усталые лица.

Женщина с ребёнком запела колыбельную — тихо, надорванно, сбиваясь на полуслове. Лёха дремал, прислонившись к камню, его голова то и дело падала на грудь. Еремей сидел чуть поодаль, чистил арбалет. Старые пальцы двигались медленно, привычно.

Я сел на край света, положив руку на кинжал. Клинок пульсировал серебристым светом — слабо, едва заметно, но я чувствовал его биение, как второе сердце.

Морана заговорила, когда все утихли. Её голос звучал в затылке — тихо, вкрадчиво.

«Ты слышишь их?»

Я прислушался. Дыхание. Храп. Всхлипы ребёнка во сне. Шелест травы. Треск углей.

«Они слабы. Трое не дойдут до рассвета, если не дать им сил. Лёха начинает лихорадить. Женщина почти не спала три дня. Еремей хромает так, что к утру нога распухнет. Ты можешь украсть эхо у любого из них. Крупицу. Они не заметят — проснутся просто чуть более пустыми. А ты станешь сильнее. Сможешь нести Заряну, если упадёт».

Я сжал кулак. Когти впились в ладонь — четыре острых конца проткнули хитин, выступила кровь. Тёплая, липкая, потекла между пальцев. Боль отрезвила.

— Нет.

«Почему? Они чужие. Ты их не знаешь. Ты даже имён их не помнишь. Лёха — он жонглировал пятью шарами. А теперь его пальцы скрючились, и он никогда больше не подбросит даже один. Ты можешь взять его боль».

— Потому что если я начну красть у своих, то перестану быть собой. Я ворую у мёртвых, у врагов, у тех, кто уже не чувствует. Но не у живых, которые смотрят на меня и верят.

«Ты уже не тот, кем был. Твоя память о матери стёрта. Запах блинов исчез. Первый шаг по канату — ты не помнишь, как отец держал тебя за пояс. Ты становишься пустым. Но пустота — это ёмкость. Наполни её чужим эхом».

— Я не заплачу за силу теми, кто идёт рядом. Это не сделка. Это предательство.

Морана замолчала. Холодок в затылке остался, но она не спорила. Впервые за три дня.

Заряна спала, прижавшись к моему плечу. Её дыхание было ровным, но иногда прерывалось — она вздрагивала, сжимала пальцы на моём рукаве, что-то шептала. Я не разбирал слов. Может быть, молитвы. Может быть, имена тех, кого уже нет.

Эри подошёл, лёг у ног, замурлыкал. Глубоко, громко, настойчиво. Вибрация разливалась по земле, поднималась по

костям, успокаивала боль в крыльях.

Я смотрел на звёзды. Мы шли на юг, туда, где, по слухам, укрывались ведьмовские круги. Еремей рассказывал, что в Уральских руинах, среди обломков старых городов, ведьмы спрятали свои тайники. Там Заряна могла восстановить силы. Там можно было найти убежище для стаи. Но путь был долгим. Неделя, если повезёт. Две, если нет.

Утром я проснулся от запаха озона. Резкого, электрического, будто кто-то разорвал ткань мира. Эри стоял на камне, шерсть дыбом, глаза горят красным. Он смотрел на восток, уши прижаты, хвост трубой. Из горла вырывалось низкое, глухое рычание.

Я вскочил. Кинжал сам прыгнул в руку. Вены на предплечьях вспыхнули голубым — эхо-зрение включилось без команды. Мир перевернулся: фиолетовая земля, синие камни, чёрные растения.

На горизонте, в километре от нас, двигались три фигуры. Они не шли — скользили, низко пригибаясь к земле. Их тела переливались зелёным — гнилостным, больным светом.

Эхо-псы. Твари, которые питаются страхом. Они чувствуют эха за версту — мои светящиеся вены как маяк в ночи. Их не убить обычным оружием — сталь скользит по шкуре. Только эфир. Только чистая память, превращённая в огонь.  
— Тревога! — крикнул я. — Вставайте! Псы!

Люди зашевелились. Кто-то застонал, не понимая спр-сонья. Кто-то схватил арбалет, но руки дрожали. Женщина

с ребёнком прижала малыша к груди, замерла с открытым ртом. Еремей уже был на ногах.

Заряна открыла глаза, мгновенно собравшись.

— Что там?

— Псы. Трое. Метрах в восьмистах. Бежим.

Я схватил её за руку, потащил за собой. Эри бежал рядом, увеличиваясь на ходу — шерсть встала дыбом, когти выросли, глаза вспыхнули красным. Он уже не был котёнком. Он был маленьким, но свирепым зверем.

Мы сорвались с места. Колонна растянулась — кто-то бежал быстрее, кто-то отставал. Я слышал позади хриплое дыхание, всхлипы, мат Еремее. Но не останавливался.

Твари приближались. Слышалось влажное, хлюпающее дыхание. Запах падали и эфирной гнили ударил в нос — сладковатый, тошнотворный, от которого сворачивало желудок.

— В ущелье! — крикнул Еремей, показывая на расселину справа. Узкий проход между скалами, заросший колючим кустарником. Мы свернули. Псы не отставали. Их зелёные тела мелькали между камнями, жёлтые глаза светились голодом.

Я отпустил Заряну, развернулся. Крылья расправились сами — старые, сломанные, но ещё живые. Кости хрустнули, перепонки натянулись до предела. Боль вспыхнула в лопатках, отдалась в позвоночнике.

«Ты не умеешь с ними драться», — сказала Морана.

— Научусь.

Первый пёс прыгнул. Я ушёл вниз, пропустил его над головой. Тень скользнула по лицу, ветер ударил в крылья. Одновременно я ударил правым крылом — костью, не лезвием. Кость скользнула по зелёной шкуре, высекла искры. Тварь взвизгнула, закувыркалась, приземлилась на бок, но быстро встала. На её боку осталась чёрная полоса.

Второй заходил с фланга, пригибаясь к земле. Эхо-зрение подсказало — оранжевое пятно слева, быстрое, пульсирующее. Я развернулся, выпустил искру. Голубоватый разряд ударил в морду, оставил обугленную полосу от носа до уха. Пёс заорал, отшатнулся, из пасти потекла чёрная слизь — едкая, вонючая, она шипела на камнях.

Третий вцепился мне в крыло. Челюсти сжали перепонку там, где она была тоньше всего — между второй и третьей костяными пластинами. Дёрнули. Боль обожгла спину — старая рана от топора Главы открылась, кровь потекла по лопатке, залила куртку.

Я зарычал от злости, заглушая боль. Развернулся, всадил кинжал в глаз твари. Лезвие вошло с хрустом — мягким, противным. Чёрная кровь брызнула на лицо, попала в рот — солёная, горькая, с привкусом гнили. Пёс забился, дёрнул головой, вырвал кусок перепонки, но ослабил хватку. Я выдернул клинок, отпихнул тварь ногой. Она повалилась на бок, задёргала лапами и затихла.

— Бегом! — крикнул я, вытирая лицо.

Заряна ждала у входа в расселину. Эри — уже размером с небольшую собаку — прикрывал отход, рычал на оставшихся псов. Я подхватил Заряну, почти закинул в проход. Эри прыгнул следом, сжался, снова стал котёнком — уставшим, окровавленным, но живым.

Твари не рискнули лезть в узкую щель. Они завывали — тоскливо, злобно — поскребли когтями по камню, оставив глубокие борозды, и ушли. Зелёные силуэты растаяли в утреннем тумане.

— Ты ранен, — сказала Заряна, глядя на моё крыло. Кровь капала с разорванной перепонки, стекала по спине, пропитывала куртку.

— Царапина. Идём.

Мы шли до темноты. Расселина петляла, поднималась в горы, иногда сужалась так, что приходилось пролезать боком. Крылья цеплялись за камни, и каждый раз я вздрагивал от боли. Кровь засохла на спине, стянула кожу, превратилась в корку, которая трескалась при каждом движении.

К вечеру вышли к небольшой пещере. Еремей осмотрел её — сухая, без запаха тварей. Люди попадали на землю, кто-то заплакал от усталости, кто-то просто закрыл глаза. Заряна подошла ко мне, положила ладони на крыло. Пальцы дрожали, но она начала шептать — тихо, прерывисто, сбиваясь на полуслове. Я не понимал слов, но чувствовал смысл — тепло разливалось по ране, затягивало края, успокаивало боль. Не так быстро, как раньше. Не так глубоко. Но достаточно,

чтобы кровь остановилась.

— Спасибо, — сказал я.

— Я ещё могу это делать. — Она устало опустила руки.

— Не так хорошо, как раньше. Но могу.

Она улыбнулась — устало, уголками губ. В глазах мелькнули золотые искры.

Я сел у входа, сжимая кинжал. Эри свернулся на коленях, замурлыкал. Тёплый бок прижался к животу, вибрация разливалась по телу, выгоняла холод. За спиной затихали голоса. Кто-то молился, кто-то просто молчал. Женщина с ребёнком кормила малыша последним сухарём — размачивала его в воде, давала по кусочку.

Заряна вышла, села рядом. Её белые волосы свисали спутанными прядями, закрывали половину лица.

— Сколько нам ещё идти?

— До ведьмовского круга — неделя, если повезёт. Еремей говорил, что они прячутся в Уральских руинах. Там, где старые бункеры.

— А если нет?

— Тогда дольше.

Она помолчала.

— Я боюсь, что стану обузой. Что ты бросишь меня, когда поймёшь, что я больше не могу лечить. Не могу защищать. Только идти и дышать.

— Не брошу.

— Откуда ты знаешь?

Я поднял руку, показал ей гайку.

— У меня нет лица матери. Нет запаха её блинов. Нет первого шага по канату. Я не помню, как отец держал меня за пояс. Не помню, как кричала мать, когда начался Разрыв. Но есть эта гайка. И есть ты. Этого достаточно.

Заряна не ответила. Только придвинулась ближе, положила голову мне на плечо. Волосы пахли полыньёю и дымом. Мы сидели в тишине, слушая ветер. Эри мурлыкал, его тепло разливалось по коленям.

Где-то далеко, на юге, мерцали огни. Может быть, костры. Может быть, звёзды.

Я не спал. Смотрел в темноту, держа руку на кинжале. Вдруг на краю слуха — топот копыт. Много копыт. Ритмичный, тяжёлый, как удар кузнечного молота. Копыта били по камням, высекали искры.

Я вскочил. Эри зашипел, шерсть дыбом, глаза загорелись красным. Кот прыгнул на камень, встал в стойку.

— Заряна, тихо.

Она замерла.

Я выглянул из пещеры. Внизу, в долине, двигались огни — факелы. Десятки факелов. Они плыли по дну ущелья, как светлячки в ночи — медленно, неотвратимо. Всадники. Чёрные силуэты на мутировавших лошадях. Животные были крупнее обычных — с горящими глазами, с хитиновыми наростами на ногах.

Но это был не орден. Я не чувствовал амулетов — ни зе-

лёного света, ни запаха озона. Не слышал звона цепей. От них пахло травами — полынью, чабрецом, зверобоем.

«Ведьмы», — шепнула Морана. — «Или то, что от них осталось».

Первый всадник поднял факел, осветил лицо — молодая женщина с русыми волосами, заплетёнными в косу. На плече — узелок с травами. Её лошадь фыркнула, ударила копытом. Она смотрела прямо на меня. Сквозь темноту. Сквозь расстояние. Будто видела меня в эфирном свете вен.

— Эй, вор! — крикнула она. Голос звонкий, молодой, без страха. — Слезай. Мы не тронем. Если ты с Заряной.

Я сжал кинжал. Заряна подошла, встала рядом. Её пальцы легли на моё предплечье — холодные, цепкие.

— Откуда вы знаете моё имя? — спросила она.

Женщина улыбнулась. В свете факела я увидел, что у неё один глаз светится жёлтым — эфирный отклик.

— Твой круг ищет тебя три года. Мы — вестницы. Мать Ольга послала нас. Твоя наставница, Заряна. Она жива. И она ждёт тебя.

Заряна вздрогнула. Я почувствовал, как её пальцы впились в мой рукав.

— Наставница жива?

— Жива. И хочет видеть тебя. Но сначала — твоего вора. Она слышала о нём. О кинжале. О крыльях.

Всадница кивнула в мою сторону.

— Слезай. Нам есть что сказать. И не бойся — мы не ор-

ден. Мы не берём память. Мы её храним.

Факелы качнулись. Всадники ждали. Я посмотрел на Заряну. Она кивнула.

— Идём.

Мы шагнули в темноту, навстречу огням. Эри бежал рядом, не отставая. За спиной осталась пещера, где спали наши люди. Впереди — что-то новое, неизвестное, пугающее. Но впервые за три дня Заряна улыбнулась не уголками губ, а по-настоящему. И этого было достаточно.

## Глава 2. Тихий лог

Всадницы окружили нас полукольцом, факелы шипели в сыром воздухе. Лошади фыркали, били копытами, их глаза светились в темноте эфирным жёлтым. Я держал руку на кинжале, но не вынимал. Слишком много их. И Заряна стояла рядом, её пальцы сжимали мой рукав.

Молодая женщина с русой косой спешила. Она была выше меня на полголовы, одета в потрёпанную куртку из грубой кожи, на поясе — несколько кожаных мешочков и связка сушёных трав. Её правый глаз светился жёлтым, как у лошадей, левый был обычным, серым. Глазное яблоко пульсировало в такт сердцу, и каждый раз, когда она моргала, жёлтый свет на секунду гас, потом вспыхивал снова.

— Я Ждана, — сказала она, подходя ближе. — Вестница круга «Тихий лог». Мать Ольга послала нас за тобой, Заряна. Три года искали.

— Мать Ольга жива? — голос Заряны дрожал, но она держалась ровно.

— Жива. Старая, злая, но жива. Она не простила тебе ухода, но обрадовалась, когда услышала, что ты жива.

Заряна опустила голову. Я чувствовал, как её пальцы впиваются в мою куртку. Сквозь ткань ощущался холод её ладони — там, где раньше было тепло, осталась пустота.

— А он? — Ждана кивнула в мою сторону. — Вор с кры-

льями? Тот, кто украл эхо из храма?

— Артём, — представился я. — Механик.

— Механик? — она усмехнулась, и жёлтый глаз вспыхнул ярче. — Мать Ольга сказала, что ты опасен. Что твои вены светятся, как маяк для ордена. Что ты крадёшь память у мёртвых.

— Краду. Но не у живых.

— Пока, — она пожала плечами. — Ладно. Не здесь разговаривать. Орденские псы могли пойти по вашему следу. Едем.

Она свистнула, и одна из лошадей отделилась от строя, подошла ко мне. Животное было крупным, с хитиновыми наростами на ногах, глаза горели жёлтым. Я не умел ездить верхом.

— Не упадёшь, — сказала Ждана, заметив мою заминку. — Эти лошади чувствуют седока. Доверься.

Я вскарабкался на спину животного. Шкура подо мной была горячей, будто у зверя внутри горел огонь. Эри прыгнул следом, устроился у меня на коленях, прижался к груди — он тоже чувствовал жар. Заряне помогла другая ведьма — молчаливая, с седыми прядями в чёрных волосах. Её лицо было белым, как береста, и она не проронила ни слова за всё время.

Тронулись. Лошади шли шагом, факелы освещали каменистую тропу. Ущелье расширилось, скалы расступились, открывая звёздное небо. Где-то в темноте ухал филин, и его

крик отражался от камней, множился, превращался в злое-щую какофонию.

Ехали около часа. Тропа петляла между камнями, иногда пропадала вовсе, но ведьмы вели лошадей уверенно, будто знали каждый камень, каждую трещину. Воздух стал влаж-нее, пахло прелой листвой и грибами, а потом добавился ещё один запах — эфирный туман, сладковатый, с нотками озо-на.

Эри забеспокоился. Он завозился у меня на коленях, чих-нул, потом прижал уши и замер, только хвост дёргался. Впе-реди показался туман. Серый, плотный, он клубился меж-ду скалами, закрывая проход. Ни просвета, ни края — толь-ко бесконечная стена, переливающаяся влажным серебром. Я напряг эхо-зрение — под туманом ничего не было видно, только серая пустота, будто кто-то вырезал кусок мира.

— Не бойся, — сказала Ждана, обернувшись. — Это наша защита. Эфирный туман. Чужие в нём теряют дорогу, кружат на месте до рассвета. А мы проходим.

Она вынула из мешочка горсть сухой травы, растёрла меж-ду ладонями — трава засветилась голубым. Потом бросила её в воздух, и туман расступился, открывая узкий проход. Края его были рваными, будто кто-то разорвал ткань мира. Лошади шагнули внутрь.

Мир изменился мгновенно. Вокруг клубилась серая мгла, но я видел дорогу — камни под копытами светились блед-но-голубым. Воздух стал тяжёлым, каждый вдох требовал

усилий. Где-то в тумане слышались голоса — далёкие, едва различимые. Они говорили на незнакомом языке, иногда смеялись, иногда плакали.

Эри прижался к моей груди, дрожал мелкой дрожью. Кот не любил эфир. Я чувствовал, как его сердечко колотится у самого моего горла.

— Долго ещё? — спросил я.

— Уже приехали, — ответила Ждана.

Туман рассеялся так же внезапно, как и сомкнулся. Сначала поредел, стал прозрачнее, потом развалился на лохмотья, и мы выехали на поляну.

Деревня пряталась в ложбине между скалами. Несколько десятков домов из чёрного дерева, крытых дранкой. Стены покрывали руны — не те, что в храме, а другие, более грубые, вырезанные прямо в дереве. Между домами висели верёвки с сушёными травами — полынь, зверобой, тысячелистник, что-то ещё с длинными фиолетовыми цветами. В центре — большой шатёр из плотной ткани, расшитой теми же рунами. Ткань была старой, прокопчённой, но руны на ней слабо светились. Вокруг шатра — костры, сушилки для трав, загоны для животных. В загоне стояли козы с длинными, как у змей, шеями и глазами навывкате.

Несколько женщин замерли при нашем появлении. Дети спрятались за юбки, только один мальчик лет пяти остался стоять, глядя на меня круглыми глазами. Он показывал пальцем на мои крылья и что-то шептал матери. Женщина при-

жала его к себе и унесла в дом.

В воздухе пахло дымом, травами и сладким — мёдом. В пустошах мёд был редкостью, почти роскошью.

— Слезайте, — Ждана прыгнула с лошади. — Вы в «Тихом логоу». Здесь вас не найдут. Ни орден, ни псы, ни имперские ищейки.

Я сполз с лошади, поставил Эри на землю. Кот отряхнулся, чихнул и настороженно огляделся. Шерсть на загривке встала дыбом — он не доверял этому месту.

Из шатра вышла женщина. Старая, высокая, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дуба. Волосы белые, собранные в тугой узел на затылке. В руках — посох из чёрного дерева, на конце которого пульсировал голубой камень. Камень был размером с кулак, и внутри него что-то шевелилось — тень, или дым, или живое существо, запертое в кристалле.

Она смотрела на нас без улыбки, холодно, оценивающе. Взгляд скользнул по Заряне, задержался на её белых волосах, потом переметнулся на меня, на светящиеся вены, на кинжал у пояса.

— Заряна, — сказала она глухим голосом. — Ты вернулась. Через три года. С воров.

— Мать Ольга, — Заряна сделала шаг вперёд и опустилась на колени. — Я...

— Встань, — оборвала её старуха. — Не на коленях. Ты не ученица. Ты та, кто ушла. Кто бросила круг, когда орден

сжѣг наше убежище. Ты сбежала.

— Я не сбежала. Меня вытащили силой. Я потеряла сознание, а когда очнулась — никого не было. Я искала вас. Три года.

— Искала? — Ольга усмехнулась. — Или пряталась в цирке у вора, лечила его людей?

— Я помогала тем, кто нуждался. Я ждала, что вы дадите знак. Никто не пришёл.

— Мы думали, ты мертва. В том пожаре погибли почти все. Пятнадцать женщин, семеро детей. Только шестеро спаслись. Мы хоронили пустые гробы, потому что тел не осталось. Ты знаешь, что это такое — хоронить пустоту?

Заряна молчала. Её плечи опустились.

— Знаю, — сказала она наконец. — Я тоже хоронила. Костя. Лику. Хмыря. У меня тоже нет их тел. Только плащи, в которых они умерли.

Старуха молчала долго, рассматривая Заряну. Потом перевела взгляд на меня.

— Ты. Встань, где стоишь. Не подходи.

Я замер.

— Твои вены светятся. Я вижу эхо внутри тебя. Чужую память. Ты крадёшь чужие жизни.

— Краду у мёртвых, — сказал я. — У тех, кто уже не чувствует.

— А если мёртвый не хочет отдавать? Что ты чувствуешь, когда забираешь его последнее воспоминание? Его послед-

ную мысль о семье? О ребёнке, которого он никогда не увидит?

Я не ответил. Потому что она была права — я никогда не спрашивал.

— То-то, — Ольга отвернулась. — Ждана, размести их. Вор — в дальней землянке, под замок. Я не хочу, чтобы он бродил по деревне ночью. Заряна — в доме у Клавы. Завтра поговорим.

Она ушла в шатёр, хлопнув пологом. Ткань колыхнулась, руны на мгновение вспыхнули ярче, потом погасли.

Ждана отвела нас через всю деревню. Ведьмы провожали нас взглядами — любопытными, настороженными, иногда враждебными. Я слышал шёпот: «вор», «крылатый», «эхокрад». Кто-то сплюнул нам вслед. Эри прижимался к ногам, шипел на чужих.

— Не обращай внимания, — сказала Ждана, заметив, как мои пальцы сжались в кулаки. — Они боятся. Орден вырезал два круга за последний год. А тут появляется мутант с венами, которые светятся в темноте. Неудивительно.

— А ты не боишься?

— Я? — она усмехнулась. — Я видела страшнее. Мой круг сожгли, когда мне было пятнадцать. Я выбиралась через подземный ход, вся в крови. С тех пор я ничего не боюсь. Кроме, может быть, Матери Ольхи, когда она злится.

Она остановилась у маленькой землянки на краю деревни. Дверь из толстых досок, засов снаружи. На двери — руны,

грубые, вырезанные ножом, залитые чёрным.

— Твоё жильё на ночь. Не обижайся — так надо. У нас дети. Не хочу, чтобы ты бродил во сне и крал их сны.

— Я не краду сны.

— А я не проверяла. Сиди тихо. Утром приду.

Она ушла. Я толкнул дверь — не заперто. Внутри было темно, пахло землёй и сухой травой. Я шагнул, Эри за мной. Землянка оказалась больше, чем казалось снаружи. Одна комната с низким потолком, в углу — лежанка из досок, накрытая овечьей шкурой. Стол, пара табуретов, на стенах — пучки сушёных трав. В центре стояла миска с водой и кусок хлеба. Хлеб чёрный, с отрубями.

Я сел на табурет, поставил Эри на колени.

— Мы в ловушке, — сказал я коту.

Он мявкнул и потёрся о мою руку.

«Не в ловушке, — возразила Морана. — В убежище. Ты хотел найти ведьм — ты их нашёл. Теперь нужно, чтобы они тебе поверили».

— Они не верят. Особенно эта старая.

«Мать Ольха — хранительница круга. Её дело — подозревать чужаков. Если бы она сразу приняла тебя с распростёртыми объятиями, я бы сама посоветовала бежать».

Я разломил хлеб, половину бросил Эри. Кот жадно съел, потом запил водой из миски. Я поел сам — хлеб был пресным, жёстким, но я не жаловался. За дверью стихли голоса. Деревня засыпала.

Я прилёг на лежанку, закрыл глаза. Шкура пахла овцой и копотью. Не спал — прислушивался. Шаги, скрип дверей, где-то плакал ребёнок. Потом тишина.

Эри уснул у меня под боком, мурлыкал во сне. Его лапки дёргались — снилось что-то. Я встал, подошёл к двери. Выглянул в щель. Никого. Луна светила сквозь туман, заливая деревню бледным серебром.

— Морана, куда мне идти?

«В большой шатёр. Там библиотека — свитки, книги, записи. Ольха хранит всё, что знает об ордене и Империи Теней. Тебе нужно понять, кто твой враг».

— А если меня поймают?

«Тогда скажешь, что искал отхожее место».

Я усмехнулся. Осторожно открыл дверь — петли не скрипнули, смазаны. Выскользнул наружу, прижав дверь за собой. Эри проснулся, посмотрел на меня, но остался на шкуре.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.